

Univerzita Karlova

Pedagogická fakulta

Katedra rusistiky a lingvodidaktiky

Bakalářská práce

**člověk na pokraji chaosu
v Dostojevského románu „Bratři
Karamazovi“**

Autor práce: Julie Smejkalová

Vedoucí práce: PhDr. Radka Hříbková, CSc.

2012

Prohlášení

Prohlašuji, že jsem bakalářskou práci na téma „**Člověk na pokraji chaosu v Dostojevského románu „Bratři Karamazovi“**“ vypracovala samostatně a použila jen pramenů, které cituji a uvádím v přiložené bibliografii.

V Praze dne:

podpis autora práce:

Abstrakt

Bakalářská práce „Člověk na pokraji chaosu v Dostojevského románu *Bratři Karamazovi*“, se zabývá lidmi hledajícími vlastní identitu v chaotickém Rusku druhé poloviny XIX století. Mezi dobrem a zlem rozpolcení hrdinové se ztrácí ve světě plném náhlých změn, rozkladu morálních hodnot, množství nových vlivů a směrů. Úvodní část práce je zaměřena na vymezení rozporuplného období druhé poloviny XIX století. Dále je definován pojem chaos, práce se zabývá jak vnějším chaosem ve světě, tak i chaosem vnitřním, který se v Dostojevského tvorbě projevuje silným utrpením vedoucím až k totálnímu rozpadu osobnosti. Hlavní část práce je zaměřena na analýzu postav románu, na různé způsoby, kterými se hrdinové snaží dosáhnout harmonie. Závěrečná kapitola patří nejmladšímu bratrovi Aljošovi, v jehož pravoslavné víře, lásce k rodné zemi a k bližním Dostojevský vidí jisté východisko pro nalezení stability a harmonie

Ключевые слова: хаос, разъединение сознания, бунт, нравственные ценности, вера

Abstract

The main aim of the Bachelor thesis "An individual on the verge of chaos in Dostoyevsky's novel The Brothers Karamazov" is to analyse an individual in search of one's identity in the chaotic world of the second half in the XIX century Russia. The good and the evil collide in the souls of the characters who feel lost in the world of sudden changes of moral certainties, various philosophical streams and influences which emerge. The introductory part of the thesis is focused on defining the contradictory period of the second half of the XIX century. Following that, the conception of chaos is defined and explored both from the perspective of the external chaos in the world as well as the internal one which in the works of Dostoyevsky manifests itself in the individual's intense suffering leading to a complete degradation of personality. The main part of the thesis concentrates on the analyses of different approaches by which the protagonists of the novel try to reach an internal harmony. The final chapter is dedicated to the youngest of the three brothers, Alexey, in whose faith and the unconditional love for his homeland and everyone around him, Dostoyevsky finds the firm ground for achieving true personal fulfilment and harmony.

Key words: chaos, degradation of personality, revolt, moral certainties, faith

Содержание

1. Россия XIX века

- 1. 1. Образ России в романе «Братья Карамазовы» и история создания романа.....8
- 1. 2. Колеблясь над бездной.....12
- 1. 3. Шутовство, лакейство и «карамазовщина».....17

2. Хаос

- 2. 1. Всемирный хаос.....21
- 2. 2. Хаос в душе человека.....25
- 2. 3. Вечная проблема человека в философии Достоевского и Ницше.....26

3. Вечная борьба добра со злом

- 3. 1. Иван Карамазов.....35
- 3. 2. Дмитрий Карамазов.....42
- 3. 3. Дети на грани хаоса.....52
- 3. 4. Женщины на грани нервного срыва.....60
- 3. 5. Алеша Карамазов.....64

Введение

Тема «Человек на грани хаоса» меня заинтересовала потому, что она была актуальна не только 150 лет назад, но и в нынешнее время, в XXI веке, это проблема высшей важности. Я всегда увлекалась чтением Достоевского, меня поражало, как этот «мастер психологии» способен изобразить переживания и страдания слабого, одинокого, потерянного в губительной суматохе города, мира.

Работа «Человек на грани хаоса в романе Достоевского Братья Карамазовы» будет сосредоточена на внутренней борьбе героев романа. В ней раскрыты различные проявления внутреннего хаоса русских людей во второй половине XIX века и пути, которыми они стараются успокоить свои души, достичь гармонии.

Достоевского называют «предшественником модернизма» и, рассматривая творчество великого писателя, я убедилась в том, насколько метко это «прозвище». Ведь произведения Достоевского можно читать не только как психологические романы, а главное, как глубочайшие философские, религиозные, эстетические трактаты. В течении исследования романа «Братья Карамазовы», я пришла к выводу, что работе над этой темой нету и не может быть конца. Творчеством Достоевского занимались сотни выдающихся ученых и писателей не только России (М. М. Бахтин, И. Л. Волгин, В. К. Кантор, Г. К. Щенников) и Чехии (Ф. Каутман), но также исследователи Украины (Р. Н. Поддубная), Беларуси (С. Трунин), США (Р. Бэлнап), Швейцарии (Жан-филипп Жаккар), Молдовы (Р. Я. Клейман), Японии (Масахиса Ябумото), Франции (А. Камю), Германии (Ф. Ницше), Италии (Л. Капуана), Китая (Чан фен), Венгрии (Д. Кирай). Число философов, теории которых можно проецировать на произведения Достоевского, чрезвычайно высоко. Можно, например, сравнивать идеи «сверхчеловечества» Достоевского и Соловьева с Ницше. Подвергать героев Достоевского психоанализу Зигмунда Фрейда, рассматривать сходства с философией экзистенциализма Албера

Камю и Артура Жида, великих писателей, которые считали Достоевского своим учителем...

Проблема человека в творчестве Достоевского, вечная борьба между добром и злом в душе его, тема чрезвычайно широкая. Многие посвятили анализу этой темы всю жизнь, и я уверена, что если бы им силы позволили, им бы еще было над чем поработать. У меня, к сожалению, для исследования людей «на грани хаоса» время и страницы ограничены. Поэтому, я смогу уделить внимание лишь некоторым фактам. Тем, о которых, по моему, не возможно не упомянуть и тем, которые меня более всего заинтересовали в течении моего, по сравнению с учеными, короткого исследования творчества, жизни и философии Федора Михайловича Достоевского.

1. Россия XIX века

1. 1. Образ России в романе «Братья Карамазовы» и история создания романа

Перед тем как перейти к самой теме «Человек на грани хаоса», необходимо уделить внимание очень важным проблемам — процессу создания романа «Братья Карамазовы», общественной ситуации в России в полной перемены второй половине XIX века и некоторым чертам человеческого характера, проявлению которых способствовало современное настроение общества.

Достоевский начал писать роман в 1878 году. Однако, точную дату начала работы над «Братьями Карамазовыми» трудно установить. Жизнь человека — неразрывное целое, и поскольку «Братья Карамазовы» являются последним романом Достоевского, то можно сказать, что вся предшествующая деятельность писателя была в некотором смысле подготовкой к созданию романа. Вся жизнь Достоевского — бессистемное накопление материалов к «Братьям Карамазовым».

Последнее произведение Достоевского объединяет многие факты и замыслы, которые писатель собирался включить в произведения наконец им не написанные. Вероятно самым известным из неосуществленных проектов Достоевского и самым близким к завершению был роман «Житие великого грешника». В не написанном романе Достоевский собирался развернуть тему утраты веры и страдальческие пути к ее обретению. Достоевскому «Житие великого грешника» представлялось как пятитомная эпопея, по видимому включающая в себя замысел еще одного романа «Атеизм». Наиболее полную информацию о нем дает известное письмо Достоевского к Аполлону Майкову, написанное во Флоренции в декабре 1868 года. В письме Достоевский описывает, что он замышляет великий роман под названием «Атеизм». Главным героем является ничем невыдающийся человек средних лет, который вдруг теряет веру в Бога. Он попадает в круги «новых поколений», атеистов, славян и евразийцев, встречается с изуверами, пустынножителями и священни-

¹ Человек, который в религиозной нетерпимости доходит до крайней жестокости; яростный фанатик

ками, опускается на самое дно. Однако, в конце-концов он находит веру в русского Христа и в русскую землю.

В романе «Братья Карамазовы» Достоевский снова возвращается к этому замыслу, тема утраты веры и мучительных попыток вернуть ее проходит целым романом — она затрагивает жизненный путь не только братьев Карамазовых, но и других персонажей романа — старца Зосимы и его брата, мадам Хохлаковой.

Содержание «Братьев Карамазовых» включает в себя и план пьесы главным героем которой должен был стать каторжник Ильинский — прототип Дмитрия Карамазова. В книге также отражается долгое время замышляемый Достоевским роман о детях, записки которого перестраиваются и переходят в описание юности Алеши и детских персонажей романа.

В декабре 1877 года Достоевский составляет план работы «на всю жизнь». Он планирует написать русского Кандида, книгу о Иисусе Христе, свои воспоминания, поэму «Сороковины» и последний роман. Достоевский осознает, что к осуществлению этого плана ему потребуется не менее десяти лет, но автор умирает три года спустя.

Многие исследователи занимались типологией героев Достоевского. Типы персонажей подробно разработал словацкий литературовед Андрей Червеняк. Роберт Л. Бэлнеп правильно заметил, что «в художественном мире Достоевского существовали определенные типы характеров, переселявшиеся из одного произведения в другое. Так, Ракитин принадлежит к той группе мелочных и недалеких, наглых и отталкивающих субъектов с радикальными взглядами, которая представлена и в трех других великих романах описывающих убийство, — Лужиным в «Преступлении и наказании», Верховенским в «Бесах» и кучкой озлобленных нигилистов в «Идиоте». Другой тип — притягательные, страстные, загадочные и внушающие страх фигуры Свидригайлова, Рогожина и Ставрогина, послужившие прообразами страстного и экспансивного Мити Карамазова и величественного и загадочного Ивана.»¹

¹ Бэлнеп. Р. Генезис романа «Братья Карамазовы». Санкт Петербург, Наука, 2003. С. 87.

В романе «Братья Карамазовы» Достоевский составляет мозаику из всевозможных типов людей живущих во второй половине XIX века и таким образом стремится создать комплексный образ современной России. Самопожертвование ради высоких идей – национальная черта поколения. В романе изображено, как все грамотное сословие (не только Иван Карамазов, но и Катерина Ивановна, Лиза Хохлакова и ее мать, Коля Красоткин и другие) жаждет, во что бы то ни стоило, великих подвигов. Они в состоянии принести себя в жертву, ожидая мгновенного эффекта, который их великий мученический жест произведет на окружающих. Число самоубийств начало неуклонно нарастать.

Такое извращение ценностей можно наблюдать не только у интеллигенции, но и в народе. В «Дневнике писателя» Достоевский обращает внимание на неблагоприятные сдвиги даже и у простых христиан: «В народе началось какое-то неслыханное извращение идей с повсеместным поклонением материализму <...> преклонение народа перед деньгами, пред властью золотого мешка. В народ как бы вдруг прорвалась мысль, что мешок теперь все, заключает в себе всякую силу, а что все, о чем говорили ему и чему учили его доселе отцы, – все вздор <...> «Стань богат и все твое, и все можешь» Развратительнее этой мысли не может быть никакой другой.»¹ Падение духовных ценностей в «низах» Достоевский изображает особенно в главе с говорящим названием «Бред». Митя устраивает в селе Мокром «пир на весь мир», а пьяные христианки поют нецензурные разнузданные песни, переодеваются в медведей, напиваются до такой степени, что даже валяются по полу. Они готовы как угодно себя унижить, только чтобы развеселить барина, который им, может быть, даст денег. Распространение капитализма привело к многократному повышению числа трактиров. Спиртным начали увлекаться женщины и даже дети, а такого в дореформенной России не было.

В романе «Братья Карамазовы», Достоевский не решает

¹ Достоевский Ф. Дневник писателя Избранные главы. Санкт-Петербург, Азбука-классика, 2008. С. 55.

только судьбу одной семьи, но и судьбу всей России. Будущее России зависит в основном от менталитета русского человека. Главные типы интеллигентных русских людей Достоевский воплощает в братьев Карамазовых. В письме к издателю «Русского вестника» автор объясняет: «Совокупите все эти четыре характера и вы получите, хоть уменьшенное в тысячную долю, изображение нашей современной действительности, нашей современной интеллигентной России».¹

¹ Достоевский Ф. Дневник писателя. Избранные главы. Санкт-Петербург, Азбука-классика, 2008. С. 89.

1. 2. Колеблясь над бездной¹

XIX век подготовил идеальную почву для буения хаоса. Это был воистину жестокий век, век идеальных порывов, кровавых революций, борьбы за власть, столетие самых интенсивных перемен в Европе и Америке. Это век технической революции, распространения грамотности, массовой урбанизации. Французская революция вносит в Европу идеализм, веру в неограниченные возможности человеческого разума и также вызывает критическое отношение к религии. Человек, потерянный в суматохе большого города, жаждет найти причину, объяснение той жалостной ситуации, в которой он очутился. Вера в бога пошатнулась сильно, как никогда прежде и часто, в особенности у молодежи, она уже не могла сыграть роль великой утешительницы, надежды на светлое будущее. Тем не менее, человек не принимает своего униженного положения, он хочет действовать и поэтому возрастает интерес к политике.

Состояние России в том критическом веке удачнее всего приблизит цитата из «Третьей речи» философа Владимира Соловьева. Речь эта посвящена самому Достоевскому: «В царствование Александра II закончилось внешнее, природное образование России, образование ее тела, и начался в муках и болезнях процесс ее духовного рождения. Всякому новому рождению, всякому творческому процессу, который вводит существующие элементы в новые формы и сочетания, неизбежно предшествует брожение этих элементов. Когда складывалось тело России и рождалось Российское государство, русские люди – от князей с их дружинами и до последнего земледельца – бродили по всей стране. Вся Русь брела врозь. Таким внешним брожением вызывалось внешнее же государственное закрепление, чтобы сложить Россию в одно великое тело. Начатый князьями в Москве

¹ Глава названа по книге И. Волгина «Колеблясь над бездной»

и заверченный императорами в Петербурге, этот процесс внешнего закрепления, в силу которого прежние бродячие дружины превратились в поместное дворянство, прежние вольные гости стали мещанами, а свободно переходящие крестьяне сделаны крепостными, — эта закрепленная государством организация России ввела быт и деятельность народа и общества в твердые, определенные рамки. <...> Вплоть до освободительного акта прошлого царствования жизнь и деятельность русских людей не зависела существенно от их мыслей и убеждений, а заранее определялась теми готовыми рамками, в которые рождение ставило каждого человека и каждую группу людей. Особенного вопроса о задачах жизни, о том, для чего жить и что делать, не могло возникнуть в тогдашнем обществе, потому что его жизнь и деятельность обуславливались не вопросом для чего, а основанием почему. Помещик жил и действовал известным образом не для чего-нибудь, а прежде всего потому, что он был помещик, и точно так же крестьянин обязан был жить так, а не иначе, потому что он был крестьянин, и между этими крайними формами все остальные общественные группы в готовых условиях государственного быта находили достаточное основание, которым определялся круг их жизни, не оставляя места для вопроса: что делать?»

Далее Соловьев пишет, что Россия «еще в самом своем младенчестве крещенная в христианскую веру, получила отсюда залог высшей духовной жизни и должна была, достигнув зрелого возраста, сложившись и определившись физически, искать себе свободного нравственного определения. А для этого прежде всего силы русского общества должны были получить свободу, возможность и побуждение выйти из той внешней неподвижности, которая обуславливалась крепостным строем. Великий подвиг этого царствования есть единственно освобождение русского общества от прежних обязательных рамок для будущего создания

¹ Соловьев В. С. Сочинения в двух томах // Три речи в память Достоевского. Москва, 1988. Т. 2. С. 512-514.

новых духовных форм. Прежде чем образоваться этим формам, освобожденное общество должно пройти чрез внутреннее духовное брожение. Как прежде образования государственного тела был период, когда все бродили, так же должно быть и перед духовным рождением России. В эту то пору внутреннего брожения с неотразимой силой является вопрос: для чего жить и что делать?»¹

XIX век оказался веком крупнейших парадоксов, интересы власти и интеллигенции, которые должны хотя бы в некоторых пунктах совпадать, чтобы не разрушилось само государство, все больше отстраняются друг от друга.

Во времена молодости Достоевского, в 30-50-е годы XIX века, большая часть интеллигенции России разделилась на две категории — на славянофилов и западников. Первые резко отвергали попытки Петра о приобщение России к ценностям европейской цивилизации. Они считали, что у России своя судьба и свое направление, крепко связанное с народом и православной верой. Вторые, западники, сформировались как идейные противники славянофилов. Они их критиковали за преклонение к русским традициям, к прошлому, утверждали, что славянофилы тянут Россию не вперед, к развитию, а назад, к упадку. По их мнению, Россия должна следовать по тому же пути, как и Западная Европа, по пути буржуазного развития. Несмотря на то, что политические идеалы и представления о будущем России славянофилов и западников были противоположны, их мысли сближались, когда доходило до представлений о путях развития и достижения целей. Они настаивали на отмене крепостного права, отказывались от революции, считая что правительство должно предотвратить ее допущением свободы в общественную жизнь и мысль.

¹ Соловьев В. С. Сочинения в двух томах // Три речи в память Достоевского. Москва, 1988. Т. 2. С. 512-514.

Западники и славянофилы в некоем смысле предшественники либералов 40-х годов. Молодой Достоевский сначала с жадностью впитывал идеи своего социалистического учителя Белинского, члена клуба петрашевцев. Однако, после многочисленных горячих споров, потому что Белинский упрямо отрицал потребность веры в Христа, их пути окончательно разошлись.

Достоевский полагал, что атеизм и нигилизм, лишь проявление недостаточного образования и ведут они только к упадку нравственных ценностей. Великий мыслитель видел как главную проблему интеллигенции то, что «она не признает в русском народе церкви», не понимает, что русскому человеку необходимо православие, вера в Христа, в бессмертие души. Достоевский был того мнения, что для приближения к идеальной гармонии, государство должно переродиться в церковь. Приведем отрывок из последнего «Дневника писателя», где Достоевский горячо отстаивает именно идею «православного социализма»: «Я про наш русский «социализм» теперь говорю (и это обратно противоположное церкви слово беру именно для разъяснения моей мысли, как ни показалось бы это странным), цель и исход которого всенародная и вселенская церковь, осуществленная на земле, поскольку земля может вместить ее. Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нем присущую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христово. И если нет еще этого единения, если не создалась еще церковь вполне, уже не в молитве одной, а на деле, то все-таки инстинкт этой церкви и неустанная жажда ее, иной раз даже почти бессознательная, в сердце многомиллионного народа нашего несомненно присутствуют. Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов всесветным единением во имя Христово. Вот наш русский социализм!»¹

Несмотря на то, что Достоевский был против того, чтобы Россия следовала западным идеям, он не отвергал Европы вполне.

¹ Достоевский Ф. Дневник писателя. Избранные главы. Санкт-Петербург, Азбука-классика, 2008. С. 412.

Он утверждал, что Россия не должна изолироваться от Запада, так как задача России принести миру подлинную веру — православие. И в идеальном далеком будущем, все народы соединяться во имя русского Христа. В «русском социализме», иными словами во «вселенской церкви», человечество достигнет такого нравственного идеала, когда все будут поступать по совести.

Однако, общество второй половины XIX века от такого идеального состояния далеко, как никогда прежде. Реформы 60-х годов открыли эпоху бурного капиталистического развития России. Крестьяне получили гражданские права и становились полноправным сословием, появилась более демократическая судебная система. Тем не менее, в целом реформы способствовали в основном развитию буржуазных отношений. Достоевский предвидел, что новые порядки не приведут к социальному преобразованию, а только способствуют началу всеобщего кризиса, падению духовных основ, искажению человеческой личности. В «Братьях Карамазовых» Достоевский изображает, как этот кризис проявлялся в повседневной жизни, во взаимоотношениях людей всего 5 лет после начала реформ.

В том социальном хаосе и моральном разброде, который образовался в России в 60-ые и 70-ые годы XIX века, лучше всего жилось таким приживальщикам, как Смердяков или Федор Карамазов. У них ответ на вопросы «Как жить?», «Зачем жить?» и «Что делать?» — ясен — для удовлетворения страстей, осуществления хотений, приобретения материальных благ. Тем временем, как люди, которые еще задумывались над тем «Что позволено?» оказались «на грани хаоса». Во второй половине XIX века «колеблется над бездной» вся Россия.

1. 3. Шутовство, лакейство и «карамазовщина»

Шутовство имеет на Руси давнюю традицию и разные типы шутов или юродивых встречаются на протяжении всего творчества Достоевского. Переоценка ценностей во второй половине XIX века способствовала бурному развитию шутовства, лакейства и «карамазовщины», чертам характера типичным для некоторых персонажей романа. В «Братьях Карамазовых» персонажей, которых можем назвать шутами, как минимум, три – отец Карамазов, лакей Смердяков, отставной военный Снегирев. Этих трех шутов соединяет еще и лакейство. Лакейство и с ним рука в руку идущее угодничество, узко связано с самой сутью духа буржуазного общества. Достоевский считал, что лакейство такого рода началось с крепостнической эпохи, лакей – человек, оторванный от народа, живущий при барине, однако перед баринем занимающий униженное положение. Буржуазия способствует расширению лакейщины. Категория лакеев может только погубить Россию, они не любят свою родину, презирают народ. Лакей пойдет прямо за своими материальными интересами, игнорируя даже основные моральные ценности, так как нравственность для него просто не существует.

Смердяков, старик Карамазов – это категория шутов-приживальщиков. Ведь Федор Карамазов был в свое время приживальщиком, тем же самым лакеем, только позже ему удалось заработать свой «капитальчик». Федор Карамазов уже «проработался» на высшую позицию шута, у него шутовство является не единой возможностью проявить себя, хотя бы под маской шута, а это наоборот его свободная воля, оно перерастает в дерзкий цинизм. В легендах различных народов – шуты происходят от дьявола. В Федоре Карамазове не трудно рассмотреть и дьявольские черты. Изображая из себя шута, он часто проявляет свое пренебрежение к вере и религиозным святыням. Ему постоянно нужна какая-то аудитория, чтобы перед ней играть свою дьявольскую роль, а в сцену он способен превратить улицу, собственный дом или даже монастырскую келью.

По словам Г. К. Щенникова «карамазовщина в трактовке Достоевского — это проникновение безбожия в образ жизни коренного русского человека, поражение всего строя души этого человека губительным неверием.»¹ Сладострастие Федора Карамазова можно рассматривать, как скрытое богоборчество. Старик обладает всеразрушающей стихийной энергией жизни. Карамазов использует эту силу к удовлетворению алчности своего тела, и это довольно упрощенное толкование его пристрастий. В его вызове окружающим чувствуется жесткий цинизм, он получает чрезвычайное наслаждение от описания своих походов, преувеличения своей распущенности. Таким бесстыдством он сознательно оскорбляет святые для человека понятия. Как пишет Г. К. Щенников: «Бесстыдство дает ему иллюзию полноты и осмысленности жизни: вчерашний раб, приживальщик, не смевший голосу подать, утверждает теперь во мнении окружающих.»²

В способе жизни старика Карамазова, в том как он забрасывает своих детей, как причиняет ужасные мучения своим близким и выражается, по мысли Достоевского, самый низменный русский нигилизм. Старик Карамазов первым свертывает все моральные ценности. Именно он порождает идею, что все позволено, позднее сформулированную его сыновьями — Иваном и Смердяковым.

Карамазовщина проявляется в какой-то мере и разными способами в каждом из сыновей Карамазова и каждый, кроме последнего, безхребетного Смердякова, старается эту низменную наследственность побороть. Старший Дмитрий унаследовал страстное влечение к женскому полу. Из ревности он способен, как и старик Карамазов, убить даже и родного человека. У Ивана «карамазовщина» проявляется сильнейшей жизненной энергией,

¹ Г. К. Щенников. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» как явление национального самосознания. Челябинск, 1996. С. 12.

² Там же. С. 14.

перерастающей в нигилизм. Иногда гены Карамазова проявляются даже и в невинном послушнике, Алеше.

Однако, самое опасное проявление «карамазовщины» — в побочном сыне Карамазова коварном лакее Смердякове. В нем сочетается ужасное хищничество, хамство, страстная жажда мести за свое униженное положение. Смердяков унаследовал по отцу безосновательное чувство превосходства над окружающими: «Он был страшно нелюдим и молчалив. Не то чтобы дик или чего-нибудь стыдился, нет, характером он был, напротив, надменен и как будто всех презирал.»¹ Притворяясь послушным и недалеким, он поджидает подходящего момента. Смердяков использует юродство для реализации своих планов. Он уверенно овладевает волей Ивана и придает ей конкретные очертания. Под маской угодливого падчерика-созерцателя он доводит идею вседозволенности до крайности.

К другой категории шутов можно отнести пьяницу отставного капитана Снегирева, отца Илюшечки. К ней относятся люди глубоко чувствующие, но как то придавленные. Лицо его выражает трусость и наглость одновременно. Как и Смердяков, Снегирев жаждет собственного превосходства, но у него оно смешано с осознанием своей ничтожности в обществе. Алеша правильно понимает состояние отставного военного, он объясняет, что «шутовство у них вроде злобной иронии на тех, которым в глаза они не смеют сказать правды от долговременной унижительной робости пред ними. Поверьте, Красоткин, что такое шутовство чрезвычайно иногда трагично».² Весь трагизм и унижительность положения Снегирева имеют роковые последствия, они являются причиной смерти его единственного сына.

Самолюбие Снегирева проявляется, когда он, находясь в очень тяжелой социальной ситуации, бросает на землю и топчет ногами деньги, посланные ему Катериной Ивановной. Достоевский считал такое гипертрофированное самолюбие болезненным состоянием личности. Поэтому Снегирев постоянно беспокойный, напряженный,

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 141.

² Там же. С. 14.

всегда готов выкинуть какую то шутку, чтобы угодить окружающим. Он, как и его близкие, осознает унижительность собственного положения, но от этого его состояние только ухудшается, ведь шутовство для него — единственный способ, как проявить себя, он находится в безвыходной ситуации.

2. Хаос

2. 1. Всемирный хаос

Слово Хаос — древнегреческого происхождения. Его первоначальное значение — зияющая бездна наполненная туманом и мраком, якобы существовавшая до «сотворения» мира. Однако, из-за неточных переводов, смысл слова постепенно изменялся и уже в период раннего христианства, «хаосом» начали означать суматоху и беспорядок. В метафизическом смысле, хаос — противоположность закона и порядка. В политике хаос означает безвластие и анархию. В математической дисциплине «теорией хаоса» называют «хаотической», именно такую функцию, которая вследствие малейшего отклонения входных данных сгенерирует крупнейшее отклонение данных исходных, так как непериодическое поведение функции крайне чувствительно к начальным условиям.¹

Из всех выше приведенных дефиниций, можно выбрать слова, которые подходят к изображению человека в творчестве Достоевского. Человека колеблющегося на краю «зияющей бездны», человека в мире «суматохи и беспорядка», человека бунтующего против данных «правил» и миропорядка, даже человека, на которого, как на математическую функцию, чрезмерно влияют начальные условия, и малейшие отклонения уже с самого начала формирования его личности...

Как уже было замечено во введении, слово «хаотический» не менее подходящее определение для XX или XXI века, чем для периода жизни Достоевского. Достоевский — автор пророческий. Его предсказания начали сбываться уже при его жизни. Как пример можно взять частично идеологическое преступление Родиона Раскольникова — работа над романом идет в 1866 году, а в конце 70-х лет словно разрывается мешок с такими же молодыми подвижниками провозглашающими «кровь по совести». Роман «Бесы» Достоевский

¹ Лехин И. В., Петров Ф. Н. Словарь иностранных слов. Москва: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1952. С. 433.

написал перед процессом нечаевцев. Однако, человечество не верило проповедям великого реалиста. Оно не поучилось с роковых ошибок его героев, не обратило внимания на его предупреждения, которые, к сожалению, все сбылись и продолжают сбываться. А. Солженицын говорит: «Он был пророком. Он предсказывал поразительные вещи. Терроризм, крайнее революционерство он предсказал, когда никто еще не видел, в 70-е годы прошлого века, в самом зародыше, 100 лет назад. Он, например, предсказал, что от социализма Россия потеряет сто миллионов человек. В это нельзя было поверить. А сейчас подсчитано, что мы потеряли сто десять миллионов человек. Это поразительно.»¹

В XX веке, не считая жертв ужаснейших войн, только в течении политических процессов, было целеустремленно убито более 175 000 000 людей.² Эти цифры становятся тем ужаснее, когда учесть, что они превышают количество жертв всех предшествующих войн, гражданских и религиозных конфликтов за всю историю человечества.

А ведь с чего начались все эти массовые терроры? С такой же фанатической идеи, какой и была идея Родиона Раскольникова или теория Ивана Карамазова. Ведь план грозных вождей тоталитарных режимов был тот же: «Господство над человечеством с целью его осчастливливания. Осчастливливание посредством поддержания иллюзии». Таков замысел великого инквизитора Ивана Карамазова, Сталина, Гитлера, Мао Цзэдуна. У каждого из них был свой великий план, как избавить слабые человеческие массы от тяжелого бремени свободы, свое представление, как должен выглядеть мир под их руководством. Неподходящие или непокорные тысячи были бескомпромиссно вычеркнуты из списка избранных, имеющих право топтать ногами их землю.

¹ Солженицын А. Телеинтервью японской компании NET-TOKYO. Париж, 5 марта 1976.

² Brzeźinski Z. Bez kontroly. Chaos v předvečer 21. století. Praha, 1993. S. 28.

Первое место занимает Мао Цедун, виной которого, непосредственно или косвенно, вследствие ужаснейшего голода, умерло почти 78 000 000 людей. Сталин, на втором месте — окончательное количество жертв его репрессий остановилось на 42 600 000. Поразительно, что за Гитлером занимающем с 21 000 000 душ убитых третье место, следует почти десяток других «осчастливителей», отнесших себя к разряду «имеющих право» и виновных в смерти более чем 1 000 000 людей.

Даже такой пророк как Достоевский не предвидел полную силу извращенного зла грянувшего в XX веке. Достоевский горячо утверждал, что не смеет человек провозгласить себя «Наполеоном» и убить даже жалкую, ненужную «вошь», что «ни одной слезинки замученного ребенка не стоит мировая гармония». XX век был веком именно таких новозванных «Наполеонов», старавшихся установить контроль над внешним и внутренним миром своих подчиненных. Эти чрезмерно амбициозные личности следовали прямо за своей безумной мечтой не считаясь даже с миллионами слез.

Тем не менее, предсказанием жесточайшего террора пророчество Достоевского не заканчивается. Философ крайне опасался капитализма, власти «золотого мешка», предупреждал, что такое «преклонение перед миллионом» приведет только к распаду моральных ценностей. А что творится в нынешнее время? Массы людей преклоняются перед теми, у кого «мешок» побольше, они только и мечтают о том, как бы наполнить свой «мешок», чтобы иметь все, что те «счастливы», которыми они восхищаются. «Заработай миллион! Десять миллионов!», кричат со всех экранов. Миллион стал национальной идеей не только в России и США, а во всех «цивилизованных» странах.

Чем глубже падают нравственные ценности, тем больше нарастает интерес к материальному и физическому самоудовлетворению. Достоевский хорошо понимал это уравнение.

¹ Brzeźinski Z. Указ. Соч. S. 31.

В нынешнем обществе тем, у кого «мешок» побольше, — «все позволено». Этические ценности не имеют для большинства людей, а для молодежи в особенности, никакого значения. Каждый убежден в своем праве на все, чего ему только захочется, никому и в голову не приходит задумываться, заслуживает ли он этого или нет.

Период жесточайшего тоталитаризма прошел и правдоподобно его возрождение уже невозможно, однако, еще возможен обман масс новыми социальными гипнозами. Многие люди, удовлетворив свои физические и материальные похоти, даже и не подозревают, что они находятся в такой же иллюзии и под таким же контролем, как во времена диктатуры. А диктатор — самый коварный — «золотой мешок».

До недавнего времени людям казалось (а некоторые даже в нынешнее время, несмотря на все угрозы, верят), что весь мир у них под контролем. Наука и техника развивается неистовой скоростью и человек возомнил себя всемогущим. Приближается время расплаты за его высокое самомнение, за то, что он забыл, что миром управляют намного высшие силы, чем его, людские. Сам он ускорил течение времени и сузил мир настолько, что события начали выходить из под контроля. Будущее настолько непредсказуемо, что в XXI веке «на грани хаоса» весь мир.

2. 2. Хаос в душе человека

Раздробленность сознания — одна из натуральных черт героев Достоевского. Натуральных из-за того, что по мнению писателя, человеческое сознание — не единое целое, а совокупность часто с виду несовместимых элементов. Эти частицы личности между собой беспрерывно сражаются. Человек — создание очень сложное, так как им движет разум, воля, чувство, инстинкт.

Любовь и добро человека тянут к гармонии и совершенству, тем временем как «обратная сторона любви» — ненависть и естественное зло, находящееся в каждом человеке, его толкают в бездну. На таком краю пропасти стоит Иван Карамазов и колеблется. Вера и неверие, притяжение к добру и к злу одновременно в нем настолько сильны, что становятся несовместимыми. Вследствие этого Иван сходит с ума. У него появляется двойник — черт. И двойник этот раскрывает, полемизируя с Иваном, теорию о человеке-боге, который должен заступить несуществующего бога: «Люди совокупятся, чтобы взять от жизни все, что она может дать, но непременно для счастья и радости в одном только здешнем мире. Человек возвеличится духом Божеской, титанической гордости и явится человеко-бог. Ежечасно побеждая уже без границ природу, волею своею и наукой, человек тем самым ежечасно будет ощущать наслаждение столь высокое, что оно заменит ему все прежние упования наслаждений небесных. Всякий узнает, что он смертен весь, без воскресения, и примет смерть гордо и спокойно, как Бог. Он из гордости поймет, что ему нечего роптать за то, что жизнь есть мгновение, и возлюбит брата своего уже безо всякой мзды. Любовь будет удовлетворять лишь мгновению жизни, но одно уже сознание ее мгновенности усилит огонь ее настолько, насколько прежде расплывалась она в упованиях на любовь загробную и бесконечную».¹

2. 3. Вечная проблема человека в философии Достоевского и Ницше

Горе! Приближается время, когда человек не пустит более стрелы тоски своей выше человека и тетива лука его разучится дрожать!

Я говорю вам: нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду. Я говорю вам: в вас есть еще хаос.

Горе! Приближается время, когда человек не родит больше звезды. Горе! Приближается время самого презренного человека, который уже не может презирать самого себя.

(Ф. Ницше, Так сказал Заратустра)

Стремление к явлению человеко-бога, иными словами «сверхчеловека», и убеждение, что смерть – «последняя точка в книге жизни» и никакого загробного существования нет, это убеждение не только сатанинской стороны личности Ивана Карамазова, но и великого немецкого философа второй половины XIX века – Фридриха Ницше. Так как приведенное сходство в размышлениях героя Достоевского – Ивана Карамазова и «сверхчеловека» Заратустры далеко не исключение, я решила посвятить следующую главу исследованию сходств и отклонений взглядов Достоевского и Ницше.

Воззрения обоих философов настолько широки (и вследствие их чрезвычайно сложного характера иногда даже парадоксальны), что потребовалась бы целая книга, чтобы проанализировать все возможные интерпретации идей двух мыслителей и создать более-менее объективный образ данной проблематики. Я уделю внимание только некоторым фактам, в которых писатели удивительно сближаются. Тем не менее, чтобы не вызвать ложного предположения, что философия Достоевского и Ницше – одно и то же, будут приведены и аргументы против, так как на пути к достижению одной цели философы иногда расходятся из-за различных моральных ценностей.

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 578.

В некоторых случаях совпадение их идей настолько потрясающе, что даже опытные исследователи были приведены в заблуждение и утверждали, что Достоевский и Ницше сильно повлияли один на другого. Однако, на самом деле все было совсем по другому. Достоевский даже не знал Ницше, так как немецкий философ был на 20 лет моложе его и к тому времени, когда русский писатель ушел из жизни, Ницше почти не был известен даже в самой Германии, не то что за границей. Сильное влияние Достоевского на Ницше также неправдоподобно, хотя ученому и были известны некоторые произведения Достоевского, но книги эти ему попались в руки только после написания его самой известной работы «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого». По свидетельствам самого Ницше, он впервые читал Достоевского только в 1887 году.

Тем не менее, сходство убеждений этих двух мыслителей должно быть на чем-нибудь основано. В домашней библиотеке Ницше можно было найти множество книг русских писателей. Он читал Пушкина, Лермонтова, Толстого, Герцена и вообще очень интересовался Россией, потому что был уверен, что именно Россия сыграет ключевую роль в мировой истории. Он считал Россию будущей родиной «сверхчеловека». Что касается Достоевского, тот увлекался немецкими авторами не менее, чем Ницше русскими. Из романа «Братья Карамазовы» очевидно, что Достоевский страстно любил произведения Шиллера и Гете. Несомненно, что особое влияние произвела как на Достоевского, так на Ницше западная философия, из которой исходят многие их убеждения.

Когда человек, ознакомленный с философией Ницше, читает Достоевского, он иногда не может избавиться от впечатления, что некоторые персонажи Достоевского, как например Раскольников (Преступление и наказание), самоубийца Кириллов (Бесы), Иван Карамазов — фанатические последователи Ницше. Они провозглашают, иногда даже цитируют мысли своего идола. И с другой стороны, сам Ницше, личность совмещающая в себе множество парадоксов. Он бунтовщик, страдающий последних 12 лет жизни от тяжелой болезни, которая способствовала

окончательному расстройству его ума. Ницше бы мог вполне стать героем романа Достоевского.

Интересно, что даже в самих жизненных судьбах философов можно найти не одно сходство — обоим мучила страшная болезнь, оба посвятили жизнь разгадыванию вопроса: «Что лучше, добро или зло?». Тогда как Ницше бесспорно предпочитает зло, Достоевский, будучи реалистом, приходит к выводу, что решать этот нелегкий вопрос не ему, а всему человечеству. Достоевский осознает, что данный вопрос никак нельзя разрешить сразу так, чтобы исход был удовлетворителен для всего общества. Эта проблема не по силам никакому «новоявленному законодателю морали», как бы ни было широко его влияние. Этот вопрос разрешится не сразу, а только натуральным способом, в течении эволюции человечества. Следующее совпадение в биографиях Ницше и Достоевского: оба пророчили ужасные катастрофы, ожидающие человечество в XX веке и оба не были поняты своим временем. Особенно ровесники Достоевского часто принимали его мировоззрение даже как «особого рода извращение».

Тем не менее, прежде чем рассмотрим сходства и различия взглядов мыслителей, уместен один вопрос. Как бы реагировал сам Достоевский, узнав, что его философские идеи сравнивают с утверждениями этого нигилиста? Вопрос не из легких, однако, судя по некоторым данным, реакция бы не была позитивной.

Единомышленник Достоевского, философ и поэт Владимир Соловьев, резко выступает против такого сравнения, находя аргументы в отрицательной стороне идеологии Ницше. «Несчастный Ницше в последних своих произведениях заострил свои взгляды в яростную полемику против христианства, обнаруживал при этом такой низменный уровень понимания, какой более напоминает французских вольнодумцев XVIII-го века, нежели современных немецких ученых. Приписывая христианство исключительно низшему социальному классу, он не видит даже того простого факта, что евангелие с самого начала принималось не как проповедь сомнительного возмущения, а как радостное известие о верном спасении, что вся сила новой религии состояла в том, что она

основана «первенцем от мертвых», воскресшим и обеспечившим вечную жизнь своим последователям, как они непоколебимо верили. При чем же тут рабы и парии? Что значат социальные классы, когда дело идет о смерти и воскрешении? Разве «господа» не умирают? <...> Прежде чем с такою яростью проповедовать против равенства, следовало бы упразднить главную уравнивательницу – смерть.»¹

Несомненно, что в утверждении Соловьева большая доля правды. Перед смертью – все равны, однако даже сам Достоевский к концу своей жизни перестал верить, что идеального равенства всех людей можно достичь на земле. «Как ни освобождайте и какие ни пишите законы, неравенство людей не уничтожится в теперешнем обществе...»²

Никак не удивительно, что у Соловьева и Ницше взгляды, касающиеся равенства людей – противоположны. Первый – христианин, а второй заступник дарвиновой теории естественного отбора. По его мнению, выжить должен только самый сильный и ради блага таких сильнейших «сверхсуществ» можно пожертвовать миллионами жизней слабых, только чтобы человечество преобразовалось и достигло совершенства. Однако, как высоким бы ни был замысел такой цели, жертва, принесенная к ее достижению настолько чудовищно высока, что по сравнению с ней кажется всякая цель полным абсурдом.

Достоевский бы никогда не позволил использовать слабых, как средство к достижению идеального мира. Для него чрезвычайно важны как раз эти несовершенные существа. Такого же мнения и Великий инквизитор: «И если за тобою во имя хлеба небесного пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станется с миллионами и с десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах будут

¹ Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. Москва, 1988. Т. 2. С. 628-629.

² Достоевский Ф. Дневник писателя. Избранные главы. Санкт-Петербург, Азбука-классика, 2008. С. 18

пренебречь хлебом земным для небесного? Иль тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые.»¹ Судя по преступлению Родиона Раскольникова в романе «Преступление и наказание» и по убийству отца Карамазова, Достоевский не оправдывал убийства даже единого, хоть и самого ненужного и отвратительного существа, даже и причинявшего мучение окружающим. Факт, что преступление совершил убийца не только для себя, а для блага всего человечества, не играет никакой роли. Человек не имеет никакого права провозгласить себя «Наполеоном» и посягать на жизнь «жалких вшей», не смотря на то, что по его мнению их жизнь не приносит окружающим никакой пользы, а одни лишь неприятности.

Несмотря на то, что взгляды Достоевского и Ницше на жертвоприношение на пути человечества к совершенству не совпадают, средство при помощи которого можно достигнуть идеала, по мнению обоих философов, есть только одно – страдание. Следуя Библии, страдание принято считать как удел человека, однако Достоевский относится к страданию немного иначе. По его мнению, это тот же самый путь к совершенству.

Проходя через страдания, самопожертвование, человек становится лучше, очищается от грехов. Достоевский был убежден, что «высочайшее, последнее развитие личности именно и должно дойти до того, <...> чтоб человек нашел, сознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего я, – это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастье. Таким образом, закон я сливается с законом

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 230.

гуманизма, и в слитии оба, и я, и все <...> взаимно уничтоженные друг для друга, в то же самое время достигают и высшей цели своего индивидуального развития каждый особо».¹ Однако на земле такое перерождение невозможно, «человеку придется переродиться по законам природы окончательно в другую натуру».² Данный пункт видит исследователь Достоевского и Ницше, Виктор Дудкин, как место максимального сближения философов. «Ведь и Ницше постоянно твердил о физическом перерождении человека (как это должно произойти не ясно ни у Достоевского, ни у Ницше) как предпосылки появления сверхчеловека.» По моему мнению, к тому, чтобы человек переродился физически, он должен сначала достигнуть совершенства духовного. Революция духа — главная утопическая цель великого мыслителя.

Для Ницше — бог умер, он библейских утверждений не принимает. Он видит страдание, как единственный путь к совершенству из-за того, что в страдании видит основу «сильной личности». Счастье Ницше считает, как и Великий инквизитор, уделом слабых. И одинаково как для Великого инквизитора и для Ницше счастье несовместимо со свободой, так как бремя свободы в состоянии вынести только самые сильные личности. А слабым «массам», которыми будут управлять сильнейшие, необходима вера. В «Великом инквизиторе» Иван приходит к выводу, что слабым существам нужна вера даже больше, чем материальные блага. «Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться. Но ищет человек преклониться пред тем, что уже бесспорно, столь бесспорно, чтобы все люди разом согласились на всеобщее пред ним преклонение. <...> Вот эта потребность *общности* преклонения и есть главнейшее мучение каждого челове-

¹ Дудкин В. В. Достоевский – Ницше. Петрозаводск, КГПИ, 1994. С. 89.

² Там же. С. 90.

ка единолично и как целого человечества с начала веков.»¹ Виктор Дудкин преподносит факт, что в черновых набросках Ницше была обнаружена запись выражающая главную мысль поэмы «Великий инквизитор»: высшее воззрение иезуитизма, также и социалистического. Господство над человечеством с целью его осчастливливания. Осчастливливание посредством поддержания иллюзии, веры.»²

Поразительно, что начало жизненного пути философа замышлявшего создать произведение своей главной идеей столь похожее на «Легенду о Великом инквизиторе», резко напоминает моменты из жизни самого смышленного автора поэмы, Ивана Карамазова. «Его особость замечталась, чуть ли не с младенчества, когда стал обнаруживать какие-то необыкновенные способности к учению. Поступив в университет, Иван приобрел известность в литературных кружках.»³

Как и Ивану Карамазову, Ницше не чужды никакие насмешки, провокации. Ницше и Иван сходятся в мнении, что человек имеет право желать смерти другого. Тем не менее, все остается только при желании. В идеях и желаниях, как Ницше, так и Иван Карамазов оставляют себе полный простор. Их убеждениями управляет не кровожадность, а презрение ко лжи и лицемерию. Однако, как показывает сам сюжет романа «Братья Карамазовы», теоретическое допущение преступления может спровоцировать реальное убийство.

В своем произведении «Так говорил Заратустра» Ницше развивает мысль, что любовь к ближнему — только искаженная любовь к самому себе. Человек ищет друзей, лишь потому что не в состоянии вынести бремени одиночества.

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 231.

² Дудкин В. В. Достоевский – Ницше. Петрозаводск, КГПИ, 1994. С. 88.

³ Там же. С. 47.

Следовательно анализу Виктора Дудкина «главная ложь морали для Ивана Карамазова, так же как и для Ницше, начинается с заповеди о любви к ближнему. Причем его аргументация почти дословно совпадает с ницшеанской. Иван признается Алеше в том, что он никогда не мог понять, как можно любить своих близких. Иван недоумевает, как можно бескорыстно любить человека. Поразительно, что такого же мнения и его создатель: «Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, — невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный, от века идеал...»¹ Тем не менее, автор убежден, что человек должен всю жизнь стремиться к совершенству, чтобы достигнуть этого идеала.

Рассматривая Дневник писателя за январь 1876 очевидно, что по мнению Достоевского, человек способен любить человечество как такое только веруя в бессмертие. Он считает что «бессмертие, обещая вечную жизнь, тем крепче связывает человека с землей».² Когда интеллигентный человек отвергает идею о бессмертии, он сразу начинает колебаться над смыслом жизни. Не веруя в бессмертие, не желая приспособливаться обществу, которое он не любит, человек не знает, зачем ему жить и ему приходит в голову мысль о самоубийстве.

Так как Иван и Ницше посмертную жизнь отвергают, им идея о самоистреблении далеко не чужда. Далее Иван утверждает, что хочет жить только до тридцати, а потом «кубок об пол». Он считает подлым сладострастничать до высокого возраста, как его отец. Идея «кубок об пол», тоже ницшеанская. Ницше считает, что когда человек предчувствует, что его жизненные силы

¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 21. С. 431.

² Там же. С. 432.

то лучше положить руки на жизнь, чем умирать медленной недостойной смертью.

Тем не менее, и Иван и Ницше от таких поступков в реальности довольно далеки. В размышлениях они себе оставляют полный простор, и не удивительно, что от такого непрерывного мучения самих себя вековыми вопросами, оба сходят с ума.

3. Вечная борьба добра со злом

3. 1. Иван Карамазов

«Русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтоб успокоиться: дешевле он не примирится.»

(Ф.М. Достоевский)

Основной персонаж, оказывающийся в романе Братья Карамазовы на грани хаоса — Иван Карамазов. Посредством образа Ивана Достоевский решает главную проблему: как должен человек себя вести, чтобы не подвергаться разрушению во время духовного кризиса. Ивану присущи типичные черты интеллектуальной молодежи второй половины XIX века: скептицизм, парадокс мышления, неверие в возможность духовного возрождения человека и человечества. С другой стороны, сам Достоевский утверждает: «в обществе нашем, особенно среди нынешней молодежи, может быть, как никогда велика жажда правды и более того — готовность пойти на все, на любые жертвы и на самопожертвование ради правды — вот национальная черта поколения. Но весь вопрос в том и состоит, что считать за правду...»¹

Иван страстно любит жизнь, он верит, что жизнь прекрасна. Эта стихийная «карамазовская» жажда жизни, основная черта, которой Иван походит на своего отца-сластолюбца. В таком интенсивном желании жить — ужасная сила. Иван хочет направить эту невероятную энергию позитивным путем, избавить всех несчастных от страданий, однако, он скептик и внутренне

¹ Достоевский Ф. Дневник писателя Избранные главы. Санкт-Петербург, Азбука-классика, 2008. С. 412.

осознает, что ему одному не под силу исправить мир пропитанный людской кровью и слезами. Он не знает, ради чего ему жить на свете. Эта черта особенно характерна для образованного молодого человека второй половины XIX века. Не видя смысла жизни, считая данное мироустройство абсурдным, он восстает против творца этого мира. Он бунтует против бога. Высшее чувство, сострадания к обездоленным людям, проявляется отрицательно, вызывая отвержение бога. Ивана прежде всего мучает вопрос: Как бог мог сотворить мир полный несправедливости, страданий и зла?

Данную проблему особенно исследовал древнегреческий философ Эпикур. Эпикур рассматривает три возможных варианта: Первый – Бог хочет предотвратить зло, но не способен на это. Значит, он бессилен и нет смысла бояться божьего гнева. Второй – Бог в состоянии предотвратить зло, но не хочет этого сделать, выходит, что он злораден. Третий – Бог в состоянии предотвратить зло и хотел бы его предотвратить, так почему же он этого не делает?

На последний вопрос отвечает немецкий философ XVII века Готфрид Вильгельм Лейбниц. Лейбниц, как и Иван Карамазов, считает наш богом созданный мир, за лучший из всех возможных миров. Из данной теории следует вопрос: Как может бог в своем идеальном мире допускать столько зла? В своем трактате «Теодицея» Лейбниц старается оправдать бога. Он рассматривает зло как неизбежного спутника добра и необходимое условие для блага человечества. Лейбниц считает зло испытанием, которое бог послал людям, чтобы укрепить их душу и веру. Однако, с этим заключением Иван категорически не соглашается.

Итак, Иван не находит смысла в таком мироздании и отказывается от него. Исходя из письма Достоевского, которое он написал 10 мая 1879 года к издателю романа Николаю Любимову, можно точно заключить, что Иван представляет собой тип русского революционера-идеолога. «Эти убеждения есть именно то, что я признаю синтезом современного русского анархизма. Отрицание не бога, а смысла его создания. Весь

социализм начал и вышел из отрицания исторической действительности и дошел до программы разрушения и анархизма. Основные анархисты были, во многих случаях люди глубоко убежденные. Мой герой берет тему, по моему, неотразимую: бессмыслицу страдания детей, и выводит из нее абсурд всей исторической действительности.»¹ Далее автор утверждает, что персонаж Ивана лицо в высшей степени реальное и все ужасные примеры истязания детей, которые описывает Иван Алеше в главе «Бунт», действительно случились и напечатаны в газетах. Достоевский оправдывается, потому что после издания романа «Бесы» его не только литературные критики, но и сами революционные деятели обвиняли за неестественность персонажей в данном произведении.

Тем не менее, Ивану не чужды и некоторые черты типичные для героев романа «Бесы». Рассмотрим отрывок из письма одного самоубийцы, который Достоевский решил напечатать в своем «Дневнике писателя»: «Природа, чрез сознание мое, возвещает мне о какой то гармонии в целом. Человеческое сознание наделало из этого возвещения религий. Она говорит мне, что я, — хоть и знаю вполне, что в «гармонии целого» участвовать не могу и никогда не буду, да и не пойму ее вовсе, что она такое значит, — но я все-таки должен подчиниться этому возвещению, должен смириться, принять страдание ввиду гармонии в целом и согласиться жить. Но если выбирать сознательно, то, уж разумеется, я скорее пожелаю быть счастливым лишь в то мгновение, пока я существую, а до целого и его гармонии мне ровно нет никакого дела.»² Однако, далее автор письма делает вывод, что он выше чем животное или примитивные люди, единственные потребности которых «есть, пить, спать и устраивать гнездо и выводить детей»³. Даже если бы настала в будущем гармония (несмотря на то, что он в это не

¹ Достоевский Ф. М., Достоевская А.Г. Переписка / Под ред. С. В. Белова, Б. А. Туниманова. Л.: 1976. С. 110-111

² Достоевский Ф. Дневник писателя Избранные главы. Санкт-Петербург, Азбука-классика, 2008. С. 213-214.

³ Там же.

верит), то только мысль о том, что ради этой гармонии человечество тысячелетиями страдало, самоубийцу настолько возмущает, что он такую гармонию принять отказывается. Он не будет дальше переносить эти глупые издевательства природы, нагло произведшей его на страдание. «А так как природу я истребить не могу, то истребляю себя одного, единственно от скуки сносить тиранию, в которой нет виноватого».¹ Несмотря на то, что одинаково как и автор письма, Иван не знает, для чего жить, его удерживает в живых карамазовская жажда жизни – «сила низости карамазовской» как он сам ее называет.

Однако, обратно к факту, что революционер не принимает абсурда мироздания. В этом случае Иван зашел в тупик, он очутился в абсурдной ситуации. На месте один вопрос: Как можно принимать бога и одновременно отрицать мир им сотворенный? Эту абсурдную ситуацию объясняет экзистенциалист Альберт Камю. Философ показывает проблему абсурдной ситуации на убеждениях немецкого ученого Фридриха Ницше: «Как только человек подвергает Бога моральной оценке, он убивает Бога в самом себе. Но на чем тогда основывается мораль? Бога отрицают во имя справедливости, но можно ли понять идею справедливости вне идеи Бога? Не оказываемся ли мы тогда в абсурдной ситуации? Это абсурдность, с которой столкнулся Ницше. Чтобы верней ее преодолеть, он доводит ее до предела: мораль – это последняя ипостась Бога, которую необходимо разрушить, перед тем как отстроить заново. Бога тогда уже нет, и он уже не является гарантом нашего бытия; человеку надо решиться действовать, чтобы быть.»² Итак, богоборец Иван Карамазов убежден, что высшая гармония не стоит ни одной слезинки замученного ребенка. Он не может себе представить, как бы люди смогли быть

¹ Достоевский Ф. Дневник писателя Избранные главы. Санкт-Петербург, Азбука-классика, 2008. С. 213-214.

² Камю А. Бунтующий человек. Москва: Политиздат, 1990. С. 409.

в гармоническом будущем счастливыми, зная, что ради этой гармонии пострадали их невинные предки.

Христианство, в отличие от других вероисповеданий, придает высший смысл страданию и делает его выносимым через тайну креста. Иван не принимает Бога «из-за любви к человечеству», так как считает, что страдание невинных очень высокая цена за искупление людских грехов. Иван не требует от человека, чтобы он был силен духом и нес крест. Он мечтает создать мир тихого и покорного счастья, в котором бы люди оставались слабосильными существами, какими они и были сотворены. Отрицание мира божьего и цель создать лучший мир – это идея сатаны; идея нигилизма.

Выходит, что Иван проповедует моральный нигилизм. Он утверждает, что нет такого естественного закона, который бы приказывал человеку любить своих ближних. Если до сих пор человек совершал добро, так только потому, что веровал в бессмертие. С исчезновением веры в бессмертие уходят и нравственные ценности и получается, что «все дозволено». Посредством отрицания страдания и теории морального нигилизма, он приходит к выводу, что человеку позволено убить другого, если тот, по его мнению, заслуживает высшего наказания. Однако, это логика не только «карамазовская», но и «садская». Философ эпохи просвещения, Маркиз де Сад, на основании истории религии заключает, что, так как Богу свойственно уничтожать людей, человек тоже не должен щадить своих ближних. Сад отвергает бога во имя природы, а природа для него – лишь удовлетворение половых влечений. Во имя природы он отрицает мораль. Природа для него лишь факт, а не мораль. Литературные персонажи де Сада, как и Иван Карамазов, замышляют покушение на мироздание: «Я ненавижу Природу... Я хотел бы расстроить ее планы, преградить ей путь, остановить движение светил, сотрясти планеты, плавающие в космических пространствах, уничтожить все, что служит природе и способствовать всему, что ей вредит...».¹ Мораль де Сада заключается в том, что порок и зло всегда поражают нравственность и добро. Его мораль исходит из вопросов: «Что

¹ Klossowski P. Sade můj bližní. Herrmann & synové, 2004. S. 42.

противоестественно? Что морально а что аморально?». Приведенные утверждения даже слишком похожи на Иваново убеждение что «все позволено».

Нравственность, как говорит сам Достоевский, вещь относительная. «Нравственно только то, что совпадает с вашим чувством красоты и с идеалом, в котором вы ее воплощаете.»¹

С одной стороны Иван жаждет видеть своими глазами «как лань ляжет подле льва и как зарезанный встанет и обнимется с убившим его».² Однако минуту спустя утверждает, докладывая это на проблематике истязания детей, что мать обиженного ребенка никогда не смеет простить его мучителя. Персонаж Ивана Карамазова крайне противоречив. Он постоянно разрывается между верой и неверием.

Сам Достоевский очень симпатизировал молодежи 70-х. В письме к Л. В. Григорьеву (21 июля 1878 года) писатель признается, что чувствует себя более человеком 70-х, чем 60-х или даже 40-х годов. «В обществе развивалась «высшая идея». Молодежь ищет правды с смелостью русского ума лишь руководителя потеряла».³ В общественном движении он видит христианский смысл. Не важно, подвижник верующий ли или атеист, главное — что он жаждет всемирного счастья и справедливости, то есть — осуществления Царства Божьего на земле. Молодая интеллигенция чувствует боль за народ, собирается немедленно защитить христиан и этой же добродетелью очистить самих себя.

Вся проблема Ивана Карамазова, в том, что он — западник, индивидуалист, оторван от окружающих. Он терзается, старается решать все проблемы сам, а затем ему так нужен «брат»: «Братишка

¹ Достоевский Ф. М. Золотые цитаты классиков русской литературы, Ф. М. Достоевский. Феникс, 2010. С. 23.

² Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 248.

³ Достоевский Ф. М., Достоевская А.Г. Переписка / Под ред. С. В. Белова, Б. А. Туниманова. Л.: 1976. С. 103

ты мой, не тебя я хочу развратить и сдвинуть с твоего устоя, я, может быть, себя хотел бы исцелить тобою»¹ говорит Иван Алеше. Ведь человек не может быть сам по себе, ему нужны «братья», которые помогут ему в худую минуту. Иван, жаждет изменить мир к лучшему, однако он выбирает не тот путь, путь одинокого борца за правду. Иван будучи индивидуалистом не может справиться не то что с хаосом, который заволок русскую землю, но даже с хаосом, который поселился в душе его. Иван — загадка, и мучает сам себя, держа ужасные тайны свои под замком, до тех пор, пока окончательно не сходит с ума. Ведь человек, существо социальное, он должен излить свои внутренние страдания «брату», иначе сам себя замучает. И против врага, в данном случае враг — материализм, все должны идти вместе.

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 578.

3. 2. Дмитрий Карамазов

«Широк русский человек, я бы его сузил»

(Ф.М. Достоевский)

Следующий персонаж, душа которого никак не может найти себе покоя – Дмитрий Карамазов. В отличие от Ивана, у него не достаёт ни силы воли, ни гордости, чтобы победить стихию сладострастия – единственный дар от их отца. Несмотря на то, что у Мити чрезвычайно доброе сердце и он отличает добро от зла, он не в состоянии бороться со своим необузданным характером. В Мите Достоевский изобразил всю широту и безудержность русского характера. Философ Антон Карташев в своей статье «Русское христианство» объясняет, почему типичный русский характер настолько сложен: «Русский расовый и национальный темперамент, как и у других народов, конечно, является продуктом очень долгой истории. Он сложился ещё в доисторическое время. Уже на заре русской истории, в VIII и IX вв., ещё до крещения русского народа, в отрывочных сообщениях о его характере у византийских и арабских писателей, мы замечаем присутствие в наших полуславянских, полунорманнских, полуфинских и полутюркских предках любви и склонности к двум противоположным крайностям, известную всем из русской литературы трагическую «широту» русского характера, которая пугала самого Достоевского. «Широк русский человек, я бы его сузил», – писал он. Это стихийность и страстность, не сдерживаемая достаточной волей и дисциплиной. Вероятно, тут дело не в одной пресловутой «славянской душе», но в своеобразной смеси её с душой тюркской и финской. Как бы то ни было, такой народ при встрече с христианством не мог отнестись к нему слишком умеренно и сдержанно. <...> Он отнесся к христианству с горячей ревностью, сначала с насмешками и ненавистью, как к некоему безумию – «юродству» <...>, а потом с энтузиазмом самоотречения <...>, как к радостному,

аскетическому завоеванию Иерусалима небесного.»¹ Русский человек настолько широк, что никак не может решиться, за чем ему следовать.

Митя ведет бурную жизнь, кутит, буянит, страстно любит женскую красоту. Кажется, что он не привык задумываться над своими поступками, он развратничает, оскорбляет честь невинных девушек. Но несмотря на все это, у Мити чрезвычайно доброе сердце и впоследствии он видит все свои грехи. Митя осознает безудерж своего характера и терзается тем, что не в состоянии побороть «карамазовщину» в своей крови. В разговоре с Алешей он признается, что очень часто думает об униженных, обездоленных людях. Однако, людей, беду которых причинил собственными руками, он вспоминает довольно редко. О том, как унизил свою бывшую невесту Катерину, рассказав ее сопернице Груше, как первая ему, находясь в безвыходной ситуации ходила «предлагаться». О Илюшечке, сыне отставного капитана, бедном мальчике, который целовал ему руки и умолял, чтобы он простил папочку, когда тот за жиденькую бородку волок его отца из трактира на глазах у всех окружающих, о том он уже совсем позабыл. Мальчик смертельно заболел именно с того дня, потому что он не мог вынести ужасного унижения своего отца. А ведь он именно из тех обиженных, с которыми Митя из жалости собирается разделять их нелегкий труд.

Сердце его — жаждет творить добро, но склонность к сладострастию его все глубже и глубже тянет в разврат. Своей необузданной натурой он губит сам себя. В «Исповеди горячего сердца» он Алеше цитирует Шиллера: «И когда мне случалось погружаться в самый, в самый глубокий позор разврата (а мне только это и случалось), то я всегда это стихотворение о Церере и о человеке читал. Исправляло оно меня? Никогда! Потому что я Карамазов. Потому что если уж полечу в бездну, то так-таки прямо, головой вниз и вверх пятami, и даже доволен,

¹ Карташов А. В. Русское христианство // Север. № 9., 1992. С. 144.

что именно в унижительном таком положении падаю и считаю это для себя красотой.»¹

Митя — романтик, он находит красоту именно в своем униженном положении. Как и романтические герои, он гордится тем, что буянит, бунтует, не ведет спокойную жизнь и выделяется из общества. В Мите сочетаются две крайности — идеал добра и красоты, идеал Мадонны, который беспрерывно старается побороть примитивные инстинкты садского идеала содомы. По исповеди к Алеше видно, что Митю терзает хаотичность его характера, он старается стремиться к идеалу Мадонны, но садская стихийность насекомого ему этого не позволяет: «Я, брат, это самое насекомое и есть, и это обо мне специально и сказано. И мы все, Карамазовы, такие же, и в тебе, ангеле, это насекомое живет и в крови твоей бури родит. Это — бури, потому что сладострастье буря, больше бури! Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя потому, что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. Я, брат, очень необразован, но я много об этом думал. Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Черт знает что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме она и сидит для огромного большинства людей, знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 104.

красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей.»¹

Митя не в состоянии сам исправиться — жажда избавить всех бедных от страдания — слишком абстрактная, требующая максимального самопожертвования цель, для такого стихийного характера.

Иногда даже пугает, как ужасно близки эти две силы добра и зла в таком страстном характере. Жажду погубить человека может от безумной любви разделять лишь одно мгновение. Напомним случай, как Митя собирается насладиться унижением Катерины, пришедшей просить денег для ее отца. Митю ужасно тешит власть от него зависимой, трепещущей женской души. Он хочет поиздеваться над ней, за то, что она на него, такого молодца, внимания не обратила, за то «что она благородная, а я подлец, что она в величии своего великодушия и жертвы своей за отца, а я клоп». Митя описывает, как ужасно был силен в этот момент инстинкт насекомого, однако, в данном случае ему удалось его перемочь: «На эту глядел тогда секунды три или пять со страшною ненавистью, — с тою самою ненавистью, от которой до любви, до безумнейшей любви — один волосок! Я подошел к окну, приложил лоб к мерзлему стеклу и помню, что мне лоб обожгло льдом, как огнем. Долго не задержал, не беспокоясь, обернулся, подошел к столу, отворил ящик и достал пятитысячный пятипроцентный безымянный билет. Затем молча ей показал, сложил, отдал, сам отворил ей дверь в сени и, отступя шаг, поклонился ей в пояс почтительнейшим, проникновеннейшим поклоном».² Один раз побеждает великодушный «идеал Мадонны», однако в другой раз Митя не в состоянии преодолеть садское влечение.

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 105.

² Там же. С. 112.

Достаточно вспомнить, день, когда Митя влюбился в Грушеньку: «Пошел я бить ее, да у ней и остался. Грянула гроза, ударила чума, заразился и заражен доселе, и знаю, что уж все кончено, что ничего другого и никогда не будет. Цикл времен совершен. Вот мое дело. А тогда вдруг как нарочно у меня в кармане, у нищего, очутились три тысячи. Мы отсюда с ней в Мокрое, это двадцать пять отсюда верст, цыган туда добыл, цыганок, шампанского, всех мужиков там шампанским перепойл, всех баб и девок, двинул тысячами. Через три дня гол, но сокол. Ты думал, достиг чего сокол-то? Даже издали не показала. Я говорю тебе: изгиб. У Грушеньки, шельмы, есть такой один изгиб тела, он и на ножке у ней отразился, даже в пальчике-мизинчике на левой ножке отозвался».¹

Ради такого изгиба тела готов карамазовский безудерж пойти на все: убить отца, прокутить деньги доверенные ему невестой. Правда, Митя собирается вернуть Катерине сбереженную половину денег зашитую в ладанке. Мол «я подлец, но не вор». Но, несмотря на страшные угрызения совести, у него недостает силы воли и он прокучивает оставшиеся деньги.

Главная проблема Мити состоит в том, что у него нет терпения, он хочет все исправить разом. Он жаждет мгновенного подвига, но не в состоянии страдать. Как сказал старец Зосима: «Ну куда такой пойдет и на что он способен? На скорый поступок разве а долго не вытерпит».² Однако для того, чтобы преобразиться, чтобы в нем наконец-то победил «идеал Мадонны» и он начал стремиться к совершенству, необходима длительная и усердная душевная работа. Митя, напротив, убежден, что достаточно только уехать подальше от мест, где их с Грушей все знают и где о них идут плохие слухи и можно всю жизнь начать сначала. По его логике, с этого прекрасного мгновения жизнь

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 112.

² Там же. С. 286.

преобразится и они заживут честно, творя лишь добро.

Митя постоянно надеется на какое то чудо, что как взмахом волшебной палочки все изменится к лучшему. Он надеется на нереальное, на то, что отец ему все таки даст роковые три тысячи, что он сумеет перехитрить купца Самсона и помещика Лягавого, что он выманит деньги у ненавидящей его мадам Хохлаковой. Его романтическое сердце надеется на даже мгновенное спасение нищих из погорелого села, которое он видит во сне: «Хочет он всем сделать что то такое, чтобы не плакало больше дите, не плакала бы и черная иссохшая мать дити, чтоб не было вовсе слез от сей минуты ни у кого и чтобы сейчас же, сейчас же это сделать, не отлагая и несмотря ни на что, со всем безудержем карамазовским».¹

Однако к тому, чтобы помочь страдающим нести крест, необходимо сначала успокоиться, разобраться в самом себе. Митин сон об умирающем «дите» — пророческий. Ведь один же такой бедный ребенок мучится в предсмертной горячке именно по его вине. Митя еще не готов к преображению, сначала он должен задумываться над своими проступками и стараться исправить их, а потом замышлять героические подвиги, как искупить страдание всего народа. Митя лишь любит произносить громкие фразы: «За всех пойду», однако делом свое перерождение к лучшему до сих пор не доказал.

Митя утверждает, что он избавился от сладострастия: «Прежде меня только изгибы inferнальные томили, а теперь я всю ее душу в свою душу принял и через нее сам человеком стал!». ² Если можно верить его словам, так это уже и есть первый шаг от «карамазовской скверны» к истинной любви к людям и человечеству.

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 459.

² Там же. С. 534.

Но все-таки не каждый человек способен пожертвовать собою ради блага народа. И Митя относится именно к этому разряду людей. У него слишком безудержный характер и недостает силы воли чтобы отказаться от всего ради покаяния: «Ведь я без Груши жить не могу! Ну как ее ко мне там не пустят? Каторжных разве венчают? Брат Иван говорит, что нет. А без Груши что я там под землей с молотком-то? Я себе только голову раздроблю этим молотком!»¹ Митя чересчур любит жизнь, чтобы нести такой тяжелый крест. Итак, он решает убежать от каторжного труда в Америку, а потом «мужиком сделаться, крестьянствовать». Достоевский говорит устами Алеши, который соглашается с его побегом: «Ты не готов, и не для тебя такой крест. Мало того: и не нужен тебе, не готовому, такой великомученический крест. Если б ты убил отца, я бы сожалел, что ты отвергаешь свой крест. Но ты невинен, и такого креста слишком для тебя много. Ты хотел мукой возродить в себе другого человека; по моему, помни только всегда, во всю жизнь и куда бы ты ни убежал, об этом другом человеке – и вот с тебя и довольно, что ты не принял большой крестной муки, послужит только к тому, что ты ощутишь в себе еще больший долг и этим непрерывным ощущением впредь, во всю жизнь, поможешь своему возрождению, может быть, более, чем если б пошел туда.»²

По мнению самого автора, это идеальное решение. Не каждый человек способен на самопожертвование, однако тем, что сам Митя изменится к лучшему, благодаря этому самоспасению, он прильнет к русскому народу. Разделяя тяжелую долю христиан, он сможет очистить свои грехи и добродетелью уменьшить страдания простых людей.

Образ Дмитрия Карамазова возник в мыслях Достоевского

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 535.

² Там же. С. 676.

еще за несколько десятилетий до написания романа. Прототипом персонажа стал Ильинский, каторжник осужденный за убийство отца к двадцати годам работ в Сибири. Там с ним Достоевский и познакомился. Об Ильинском Достоевский рассказывает в «Записках из Мертвого дома». Преступник, как и Митя Карамазов, не осознавал свою вину в убийстве. Всех поражало, что он не раскаивается, его принимали за совершенно бесчувственного человека. У Мити Карамазова и Ильинского – очень много общего. Оба они молодые, крепкие физически, дворянского происхождения. Отцы обоих располагают большими материальными средствами и домом, тогда как их дети впали из-за своего необузданного характера со склонностями к кутежу в немалые долги. Поразительно сходство, что даже непростые денежные взаимоотношения между Митей, его отцом и Грушей отражают проблемы Ильинского, его любовницы и отца.

Так же как и Митя, Ильинский проводит время после убийства отца в разврате и кутежах, ко всеобщему удивлению совсем не каясь, за то, что собственными руками пролил кровь своего родителя. После его судят и ссылают в Сибирь, на двадцать лет каторжных работ несмотря на то, что преступник отрицает свою виновность.

Рассказчик «Записок из Мертвого дома», как и сам автор, сомневается в виновности Ильинского. По мнению исследователя Роберта Л. Бэлнепа «Возникшие у писателя сомнения в виновности Ильинского, возможно, связаны также с тем, что Достоевский подсознательно хотел доказать собственную невиновность в убийстве своего отца. Хотя известно, что он никак не мог участвовать в этом преступлении, он, возможно, чувствовал свою моральную вину»¹

Десять лет после осуждения Ильинского нашлись и признались настоящие преступники. Итак, вышло на свет, что он

¹ Бэлнеп. Р. Генезис романа «Братья Карамазовы». Санкт Петербург, Наука, 2003. С. 87.

был действительно невиновен и страдал напрасно. «Судебная ошибка» погубила молодую жизнь и не случайно так и называется последняя книга «Братьев Карамазовых». Несмотря на то, что автор полемизирует с распространенными в то время в России теориями уголовного права и практикой охраны общественного порядка. Он с другой стороны считает, что судебная ошибка может в некотором смысле помочь Мите. Он сильнее осознает свою вину и будет стремиться к нравственному самоочищению. Ведь очищаться ему есть от чего: кровь старика Григория он пролил, в смерти Илюшечки виновен, отца убить хотел...

Приведем отрывок из письма Достоевского к Любимову: «Он очищается сердцем и совестью под грозой несчастья и ложного обвинения. Принимает душой наказание не за то, что он сделал, а за то, что он был так безобразен, что мог и хотел сделать преступление, в котором ложно будет обвинен судебной ошибкой. Характер вполне русский: гром не грянет — мужик не перекрестится.»¹

Итак, несмотря на то, что Митю осудили за преступление им не совершенное, заметим, что по логике автора, «приговор суда происходит по высшей правде, и эта высшая правда пробивается сквозь все несовершенство судопроизводства».² Хотя Митя и не убил отца, осуждение его ему будет постоянно, даже если он будет скрываться в Америке, напоминать о всех бедах, которые он успел причинить. И будет он томиться по родной своей земле, которую так любит и на которую несколько лет не посмеет возвратиться. И тоска его ему будет каждым мгновением

¹ Достоевский Ф. М. Федор Михайлович Достоевский об искусстве. Москва, Искусство, 1973. С. 441.

² Кантор В. К. «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского. Москва, Худ. Лит., 1983. С. 47.

напоминать о том, как он буянил, пьянствовал, жил как сладострастное насекомое и причинял необдуманными поступками своим близким только страдания. Ведь если бы его, такую безудержную натуру, отпустили — он бы, может быть, обрадовался и подумал: «Значит и вправду я не настолько был виновен». И скоро бы забыл про то, как собирался идти страдать «за всех». Но поскольку его провозгласили виновным, он быстрее осознает свою вину и будет стараться исправиться. Будет помнить про то несчастное дитя и бедных крестьян, с которыми собирался идти землю пахать.

3. 3. Дети на грани хаоса

Достоевский, производивший впечатление сухого и строгого человека, очень любил детей. Он считал, что три четверти жизненного счастья — именно в детях. Достоевский был поздним отцом, первая дочь Соня родилась, когда ему было уже сорок шесть лет. Когда после трехмесячного счастья девочка умерла от воспаления легких, отец очень тяжело переносил смерть ребенка. Не менее велико было горе родителя, когда спустя десять лет от внезапного эпилептического припадка скончался его возлюбленный сын, трехлетний Алеша. Поскольку Алеша унаследовал болезнь от отца, Достоевский, переживая смерть ребенка, винил себя. В память о своих дорогих детях автор назвал положительных героев своих романов: Алешу Карамазова и Соню Мармеладову.

В творчестве Достоевского много образов униженных и оскорбленных детей. Детская проблематика занимает большую часть «Дневника писателя». Автор с пристрастием изучал судебные процессы, касающиеся тирании детей. В романе Братья Карамазовы тема детей соединяет всех трех братьев. Нежный и невинный Алеша, сам в душе ребенок, лучше всего себя чувствует среди детей, которых он любит и уважает. На основе детского страдания Иван ставит свой бунт против мира созданного богом. Он описывает как по-зверски убивали турки детей болгарских славян. Иван рассказывает историю со времен крепостного права о помещике, который приказал к смерти затравить восьмилетнего мальчика на глазах у его матери за то, что тот при игре ушиб камнем ногу его любимой собаке. Такими рассказами Иван испытывает Алешу. На вопрос, что делать с таким извергом и послушник Алеша отвечает, ни секунды не размышляя, против одной из строжайших библейских заповедей: «Расстрелять!». На этом факте мы остановимся и зададим следующий вопрос. Неужто таково было мнение самого автора? Пролил бы сам Достоевский кровь истязателя?

Рассмотрим запись из июльско-августского «Дневника писателя» 1877 года, где Достоевский, говоря об «Анне Карениной» не соглашается с любимым толстовским героем романа, Константином Левиным. Автору «Дневника» кажется Левин слишком пассивный, равнодушный. Итак Достоевский предлагает читателю следующий «фантастический» сюжет:

«Представим себе такую сцену: стоит Левин уже на месте, там (то есть в Болгарии, где турки по-зверски нападали на мирных жителей – Ю. С.), с ружьем и со штыком, а в двух шагах от него турок сладострастно приговлаивается выколоть иголкой глазки ребенку, который уже у него в руках. Семилетняя сестренка мальчика кричит и как безумная бросается вырвать его у турка. И вот Левин стоит в раздумье и колеблется:

– Не знаю, что сделать. Я ничего не чувствую. Я сам народ. Непосредственного чувства к угнетению славян нет и не может быть.» Достоевский говорит: «Нет, серьезно, что бы он сделал, после всего того, что нам высказал? Ну, как бы не освободить ребенка? Неужели дать замучить его, неужели не вырвать сейчас же?

– Да, вырвать, но ведь, пожалуй, придется больно толкнуть турка?

– Ну и толкни!

– Толкни! А как он не захочет отдать ребенка и выхватит саблю? Ведь придется, может быть, убить турку?

– Ну и убей!

– Нет, как можно убить! Нет, нельзя убить турку. Нет, уж пусть он лучше выколет глазки ребенку и замучает его, а я уйду к Кити.

Вот как должен поступить Левин, это прямо выходит из его убеждений и из всего того, что он говорит.»¹

Ответ ясен. Из уст Достоевского вырывается то же самое, что и у искушаемого Алеши: «Убей мучителя!».

¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 23. С. 289.

Перейдем к третьему, самому старшему из братьев, Дмитрию, так как и с ним связан мотив ребенка. Когда он после допроса в селе Мокром ненадолго засыпает, ему снится сон про погорелое село, полное нищих, изнеможенных людей. Одна из иссохшихся, коричневолицых женщин держит на руках грудного ребенка, младенец кричит и протягивает голые посинелые от холода ручки.

«— Да отчего оно плачет? — домогается, как глупый, Митя. — Почему ручки голенькие, почему его не закутают?

— А иззябло дите, промерзла одежонка, вот и не греет.

— Да почему это так? Почему? — все не отстаёт глупый Митя.

— А бедные, погорелые, хлебушка нетути, на погорелое место просят.

— Нет, нет, — все будто еще не понимает Митя, — ты скажи: почему это стоят погорелые матери, почему бедны люди, почему бедно дите, почему голая степь, почему они не обнимаются, не целуются, почему не поют песен радостных, почему они почернели так от черной беды, почему не кормят дите?»¹

И нарастают в Мите высочайшие чувства: великая любовь и жалость ко всем страдающим. Он готов собственными муками искупить грехи свои и всего человечества.

И чувствует он еще, что подымается в сердце его какое-то никогда еще небывалое в нем умиление, что плакать ему хочется, что хочет он всем сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дите, не плакала бы и черная иссохшая мать ребенка, чтоб не было вовсе слез от сей минуты ни у кого. Таким образом плач грудного ребенка становится голосом Митиной совести. В основной части этой главы мое внимание будет сосредоточено на двух главных детских персонажах романа Братья Карамазовы. В особенности один из них ребенок умный и эмоциональный, потерявшийся в хаосе жизненного круговорота второй половины XIX века.

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 456.

В творчестве Достоевского много детских персонажей в окружении неуравновешенных, страдающих от алкоголизма взрослых. Эти дети, как правило, грустны и задумчивы, они преждевременно развиты, с малолетнего возраста мучают себя философскими вопросами. Такие персонажи можно найти как в ранних произведениях Достоевского (например Неточка Незванова, Нелли из «Униженных и оскорбленных»), так и в его последнем романе.

В романе «Братья Карамазовы» таким «униженным и оскорбленным» ребенком выступает персонаж Илюши Снегирева. Гордый мальчик ужасно страдает, видя бесконечное унижение своих близких — трусливого, вечно изображающего из себя шута отца, слабоумной матери и тяжело больной сестры. После публичного оскорбления, нанесенного его отцу Дмитрием Карамазовым, бедный мальчик уже не в состоянии выдержать жестокие насмешки детей. Илюшино доброе сердце готово пожертвовать чем угодно, только бы снять позор со своего отца. Однако учитывая тяжелое социальное положение своей семьи, мальчик осознает безвыходность положения, не выносит душевных мук и смертельно заболевает. Так же, как Алексей Карамазов соединяет все персонажи романа, в конце книги Илюша сводит всех ребят. Мальчики, даже те, которые прежде были врагами, идут во главе с Алешей, поминать маленького мученика. Алеша проповедует вечную память храброму мальчику, любовь и восстание его из мертвых. Итак, смерть добрейшего мальчика, глубоко страдавшего за обиду своего отца, символизирует новое, полное надежды на лучшее начало.

В заключении романа шанс вступить на праведный путь, появляется у самого яркого детского персонажа, Коли Красоткина. Тринадцатилетний не по годам развитый мальчик, всех изумляет своим кругозором, особенно в областях философии и политики. Коля кажется на вид очень смелым и самоуверенным, однако, он часто смущается, для него очень важно какое он впечатление производит на окружающих, хотя в правоте своих утверждений он всегда уверен. За ходом размышлений Коли иногда очень интересно наблюдать, а некоторыми своими утверждениями

он даже шокирует. Коля яркий пример того, как на интеллигентного мальчика мог влиять хаотический мир второй половины XIX века. Мальчик хочет сразу разобраться во всех актуальных проблемах движущих миром. Он читает все, что ему попадает под руку в отцовской библиотеке, хочет понять все сразу, но на самом деле, разбирается только в малой доле прочитанного. Отец умер, когда мальчику был только год, и главой семьи стал Коля, поставив мать в подчиненное положение и относясь к ней иногда даже деспотически. Большое влияние на Колю оказывает карьерист-семинарист Ракитин, который полемизирует с Колей о разных идеологиях. Коля – приверженец всех взглядов, типичных для радикалов 1870-х годов: материализма, атеизма, эстетизма и хороших манер. Он не признает единственно феминизма («я вовсе не за эмансипацию женщин. Я признаю, что женщина есть существо подчиненное и должна слушаться»)¹ и еще выступает против рядовых врачей-практиков, уважая, как и русские радикалы, только ученых-медиков. Подросток теряется в множестве идей и направлений, он не знает к кому ему примкнуть, чтобы утвердить свою позицию образованного человека с твердыми революционными убеждениями. Мнение окружающих для него настолько важно, что он даже рискует своей жизнью, ложась между рельсами под проезжающий поезд, лишь бы доказать всем свою смелость. При всей противоречивости его натуры и поступков, у Коли доброе сердце и в разговоре со сверстником он утверждает, что готов страдать ради блага остальных людей. Образ Коли Красоткина вырисовывается еще в замыслах нескольких романов, разрабатываемых Достоевским в течение долгих лет, но никогда полностью неосуществленных: романе о детях, «Атеизме» и «Житие великого грешника». По мнению автора книги «Генезис Братьев Карамазовых», Роберта Л. Вэлнепа, вполне возможно, что главным персонажем «Жития великого грешника» должен был выступить не

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 497.

Иван Карамазов, а именно Коля Красоткин, так как на жизненном пути героя можно предположить те великие проблемы, которые Алеша предсказывает Коле Красоткину.

Роберт Л. Бэлнеп считает Колю Красоткина за «пародию на Ивана». В этом пункте я с ним не совсем согласна, образ Коли Красоткина намного сложнее. Преждевременно зрелый Коля также ищет праведный путь, как и взрослые герои романа. Тем не менее исследователь прав, что некоторые разговоры Коли резко напоминают убеждения Ивана. Он тоже считает бога необходимой гипотезой, размышляет о мироустройстве и возможности любить людей не веруя в бога: «Напротив, я ничего не имею против Бога. Конечно, Бог есть только гипотеза... но... я признаю, что он нужен, для порядка... для мирового порядка и так далее... и если б его не было, то надо бы его выдумать... <...> И если хотите, я не против Христа. Это была вполне гуманная личность, и живи он в наше время, он бы прямо примкнул к революционерам и, может быть, играл бы видную роль...».¹ Любопытно, что именно эту идею выразил еще более чем за 30 лет до написания романа в одной из бурных дискуссий Белинский. К такому компромиссу начал, вероятно, склоняться и сам Достоевский. Он соединял в своем сознании с виду несоединимое – христианство и социализм. Эту возможность высмеивает либерал Миусов, представитель того типа людей, убеждения которых Достоевский презирал. «Мы, – сказал он, – собственно этих всех социалистов – анархистов, безбожников и революционеров – не очень-то и опасаемся; мы за ними следим, и ходы их нам известны. Но есть из них, хотя и немного, несколько особенных людей: это в Бога верующие и христиане, а в то же время и социалисты. Вот этих то мы больше всех опасаемся, это страшный народ! Социалист-христианин страшнее социалиста-безбожника».²

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 497.

² Там же. С. 66.

Русский религиозный мыслитель Николай Александрович Бердяев так и прозвал Достоевского – «православный социалист». Свое социалистическое убеждение Достоевский выразил в 1876 году очень известными словами: «Я никогда не мог понять мысли, писал Достоевский в 1876 году, – что одна десятая доля людей должна получить высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских (или там сколько их тогда народится) будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы. Я знаю и верую твердо, что всеобщее просвещение никому у нас повредить не может. Верую даже, что царство мысли и света способно водвориться у нас, в нашей России, еще скорее, может быть, чем где бы то ни было... Я не знаю, как все это будет, но это сбудется».¹

Однако, вернемся к убеждениям раннего социалиста Коли Красоткина и чертам, соединяющим этот персонаж с Иваном Карамазовым. В «Легенде о великом инквизиторе» инквизитор провозглашает: «О, мы убедим их наконец не гордиться, ибо ты вознес их и тем научил гордиться; докажем им, что они слабосильны, что они только жалкие дети, но что детское счастье слаще всякого. Они станут робки и станут смотреть на нас и прижиматься к нам в страхе, как птенцы к наседке. Они будут дивиться и ужасаться на нас и гордиться тем, что мы так могучи и так умны, что могли усмирить такое буйное тысячемиллионное стадо. <...> Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками.»² Коля Красоткин очень любит организовать детские игры и требует, чтобы дети ему подчинялись как Богу. Коля хвастается Алеше:

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя Избранные главы. Санкт-Петербург, Азбука-классика, 2008. С. 32.

² Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 236.

«Да и вообще люблю детвору. У меня и теперь на шее дома два птенца сидят, даже сегодня меня задержали. Таким образом, Илюшу перестали бить, и я взял его под мою протекцию. Вижу, мальчик гордый, это я вам говорю, что гордый, но кончил тем, что предался мне рабски, исполняет малейшие мои повеления, слушает меня как Бога, лезет мне подражать.»¹ Это утверждение крайне похоже на размышления Ивана, так как по всей вероятности Великий инквизитор в его поэме именно сам Иван. Тем временем, когда Иван мечтает управлять судьбой людей, избавляя их от тяжелого бремени свободы, Коля руководит группой ребятишек. Оба повелителя себя считают Господом Богом. Так же как и Ивана, Достоевский превращает Колю в косвенного убийцу. Больной Илюша, ужасно страдает от мысли, что виновен в смерти дворовой собаки Жучки, которой он, по совету Смердякова, кинул кусок хлеба с булавкой внутри. Красоткин отыскал Жучку и дрессирует ее дома, никому не показывая. Месяц спустя, он приходит с собакой к Илюше в гости и мучает умирающего мальчика (только чтобы еще больше наказать его за жестокий поступок и чтобы произвести большее впечатление появлением собаки) утверждая, что это не та собака, Жучка ни как не могла выжить после «такой закуски»: «Илюша же и говорить не мог. Он смотрел на Колю своими большими и как-то ужасно выкатившимися глазами, с раскрытым ртом и побледнев как полотно. И если бы только знал не подозревавший ничего Красоткин, как мучительно и убийственно могла влиять такая минута на здоровье больного мальчика, то ни за что бы не решился выкинуть такую штуку, какую выкинул. Но в комнате понимал это, может быть, лишь один Алеша.»²

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 478.

² Там же. С. 490.

3. 4. Женщины на грани нервного срыва

В конце 50-х годов вместе с всеобщей либерализацией общества входит в Россию также и понятие «эманципация женщины», проблема так называемого «женского вопроса». За проявление и расширение идей о независимости личности женщины, за право на свободу чувств боролась французская писательница Жорж Санд.

Тема психически неуравновешенной женщины появляется у Достоевского на протяжении всего его творчества. При этом симпатии автора всегда на стороне гордой, внутренне сильной женщины, отстаивающей, несмотря на часто нелегкую судьбу, свое достоинство и свои права. Дух протеста и непокорности, протест и бунтарство, присущие России второй половины XIX века, поселились в трех главных женских представительницах романа «Братья Карамазовы» – в Катерине Ивановне, Грушеньке Светловой и в малолетней Лизе Хохлаковой.

Посредством двух центральных героинь романа Достоевский изображает широту русской души, противоречивость характера. В персонажах Катерины Ивановны и Груши, можно наблюдать своего рода двойничество, так как на протяжении душевного развития пройденного ими в течении романа они как будто меняются местами. Образ коварной и злой Груши, образ грешницы, стоящей на распутье между угрызениями совести, связывающими ее с нечистым прошлым, и с новой, чистой любовью, ради которой она готова на все. В отличие от Катерины, кажущейся в начале невинной девушкой жертвующей своей честью ради отца, но в конце предающей своего жениха, Груша вступает на праведный путь. Идеалом женской возвышенности становится прежняя inferнальница Груша, тогда как образ чистой Катерины приобретает коварность и мстительность.

Груша – это образ роковой женщины в русской литературе. Она способна превратить окружающих мужчин в рабов своих желаний. В главе «Луковка» мы узнаем, как из жалкой девушки

из-за несчастной любви к польскому офицеру, соблазнившему а потом бросившему ее, выросла жестокая расчетливая женщина. «В четыре года из чувствительной, обиженной и жалкой сироточки вышла румяная, полнотелая русская красавица, женщина с характером смелым и решительным, гордая и наглая, понимавшая толк в деньгах, приобретательница, скупая и осторожная, правдами иль неправдами, но уже успевшая, как говорили про нее, сколотить свой собственный капиталец».¹ Она мучает и искушает старика Карамазова, Дмитрия, она полна злобы и жажды отомстить своему обидчику-офицеру. Только невинность Алеши останавливает Грушу, в главе «Луковка» она отождествляет себя со злой старухой из легенды, осознает свою жестокость и выбирает путь добра. Груша прощает жестокую обиду и отказывается от осуждения обидчика. Далее она становится еще добрее, страдает вместе со своим возлюбленным, раскаивается в прежних грехах, можно сказать, что к концу романа Груша почти возвышается до христианского идеала.

Катерина Ивановна показана в начале романа как красивая, умная, великодушная дочь полковника. Она приходит к Дмитрию за деньгами, рискуя своей девичьей честью ради спасения отца. Три месяца спустя, когда она получает наследство от родственницы-генеральши, она сама предлагается Мите в невесты. Однако, Дмитрий чувствует, что в их отношениях не может быть никакой гармонии. Катерина с одной стороны рада, что Митя постоянно буянит и бунтует, что он перед ней постоянно в чем-то виновен а она ему может постоянно прощать и великодушно вознаграждать его за спасение. Очевидно, что Катерина вознаграждает Митю скорее из мести, чем из благодарности. Она слишком горда, чтобы забыть день, когда совершенно беспомощная и беззащитная была полностью предоставлена на произвол Митиному решению. Митя говорит, что «она свою добродетель любит, а не меня, из благодарности жизнь и судьбу свою изнасиловать хочет».²

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 311.

² Там же. С. 112.

Судя по всему, Катерина влюблена лишь в саму себя и в свою великую идею жертвоприношения. Ее чувства к Мите и к его брату Ивану скорее всего выдуманы. Она не может решить, кого из них любит по настоящему, не головой, а сердцем. Ради своей идеи она готова пожертвовать всем, лишь бы наслаждаться ролью великой мученицы и благодетельницы, однако, в том самом лице и грозной повелительницы. «Я добьюсь того, — восклицает Катерина Ивановна, — я настою на том, что, наконец, он узнает меня и будет передавать мне все, не стыдясь!.. Я буду богом его, которому он будет молиться, и это по меньшей мере он должен мне за измену свою и за-то, что я перенесла через него вчера. И пусть же он видит во всю свою жизнь, что я всю жизнь мою буду верна ему и моему данному ему раз слову, несмотря на то, что он был неверен и изменил. Я буду... Я обращусь лишь в средство для его счастья (или как это сказать), в инструмент, в машину для его счастья, и это на всю жизнь, на всю жизнь, и чтоб он видел это впредь всю жизнь свою!»¹.

Тем не менее, события не развиваются по плану Катерины и, чтобы все-таки отомстить обидчику, она предает его на суде, преподнося на него улики, при этом зная, что он скорее всего не виновен. Итак, образ благородной величественной девушки окончательно искажается и наружу выходят коварство и лицемерие, до сих пор дремавшие под маской гордого великодушия.

Третий женский персонаж — Лиза Хохлакова не принимает никакого участия в развитии основного сюжета действия, она только получает информацию о происходящих кругом событиях. Однако, ее образ резко развивается от маленького «бесенка» к «мученице». Только что переступая порог женственности, почти пятнадцатилетняя, психически неуравновешенная девушка оказывается на грани нервного срыва. Она рассказывает Алеше,

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 311.

как хочет делать только злое: поджечь их дом, есть сливки на глазах у голодающих. Она утверждает, что всех ненавидит, что ей нравится быть презируемой. Как и Коля Красоткин она тайно читает книги неподходящие для ее возраста. Она рассказывает Алеше извращенную историю, которую вероятно вычитала из какого то антисемитского памфлета: «Вот у меня одна книга, я читала про какой то где то суд, и что жид четырехлетнему мальчику сначала все пальчики обрезал на обеих ручках, а потом распял на стене, прибил гвоздями и распял, а потом на суде сказал, что мальчик умер скоро, через четыре часа. Эка скоро! Говорит: стонал, все стонал, а тот стоял и на него любовался. Это хорошо! <...> Я иногда думаю, что это я сама распяла. Он висит и стонет, а я сяду против него и буду ананасный компот есть. Я очень люблю ананасный компот. Вы любите?

Алеша молчал и смотрел на нее. Бледно-желтое лицо ее вдруг исказилось, глаза загорелись.

– Знаете, я про жидов этого как прочла, то всю ночь так и тряслась в слезах. Воображаю, как ребеночек кричит и стонет (ведь четырехлетние мальчики понимают), а у меня все эта мысль про компот не отстает».¹ Такие фантазии резко напоминают практики Маркиза де Сада. Так как садисты мучая свою жертву, не теряют аппетита, а как раз наоборот, издевательство им приносит двойное наслаждение едой. По мнению Достоевского, зло соприродно человеку. На закате своей жизни он высказал мысль, что «ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человеке глубже, чем считают лекаря-социалисты, ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой...». Достоевский считает, что каждый человек имеет свое «подполье», в котором припрятаны даже самые ужасные нарушения, которые при напряженном психическом состоянии человека могут выйти наружу. По теории Сада «максимальное наслаждение совпадает с максимальным разрушением». И одинаково — Лиза наслаждается разрушением самой себя.

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 525.

3. 5. Алеша Карамазов

*Человек есть тайна. Ее надо разгадать,
и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь,
то не говори, что потерял время;
я занимаюсь тайной, ибо хочу быть человеком.
Ф.М.Достоевский*

В предыдущих главах моей работы я сосредоточилась на персонажах, которые очутились в романе «Братья Карамазовы» на грани хаоса. Теперь наступило время рассмотреть в своем роде противоположный тип героя, человека, который хотя и некоторое время сам «колеблется над бездной», но главное старается спасти этих людей, стоящих на краю пропасти — Алешу Карамазова.

Несмотря на то, что действие в основном сосредотачивается на других персонажах романа, Алеша его главный герой, книга начинается с его имени и его именем заканчивается. Алеша, как говорит В. Кантор, — «всесоединяющий центр романа». Он соединяет всех людей, решает их проблемы, переносит записочки, поручения, старается их примирить. Кажется, что он самый обыкновенный человек и что он весь день ничего особенного не делает, только бегаёт от одного к другому. Однако, Достоевский относился к делам Алеши с величайшим уважением. Ведь что может быть важнее, чем стараться соединять людей. В образе Алеши автор представляет не только соединителя и заступника персонажей в романе, но Алеша символизирует соединителя целой русской земли. В нем заключается вера в народ, как в одно целое, идея братства. Таким абсолютным соединением народа, Достоевский хочет исцелить раны русской земли, которые ей нанесло крепостничество и влияние европейского материализма. Ибо русский, славянский характер отличается от западного. Так как русские по натуре своей — все братья, а для западного мышления типичен индивидуализм, каждый сосредотачивается только

сам на себе. Но если у каждого будет та же самая цель, что и у остальных, но все они пойдут врозь, каждый по себе, им не преодолеть врага. В этом и заключается вся логика «братства» Достоевского. И поэтому, с первого взгляда маленькие и незначительные дела Алеши важнее всего остального.

Алеша вносит в мрачный и суетный мир Скотопригоньевска свет высшей Истины. Далеко не случайность, что остальные называют его то «ангелом», то «херувимом». Исследователь «Братьев Карамазовых», В. Кантор, делает интересное замечание. Он подчеркивает, что способ, каким автор начинает повествование об Алеше, резко напоминает рассказы о жизни святых. Так например, Алеша, как и многие святые, происходил от нечестивого родителя, этим подчеркивалось, что несмотря на неблагоприятные условия воспитания, человек стал подвижником. Так же как и святые, Алеша отличался в детстве особой скромностью, неразговорчивостью, послушанием. Обратимся к первоначальному описанию героя: «В детстве и юности он был мало экспансивен и даже мало разговорчив, но не от недоверия, не от робости или угрюмой нелюдимости, вовсе даже напротив, а от чего-то другого, от какой-то как бы внутренней заботы, собственно личной, до других не касавшейся, но столь для него важной, что он из-за нее как бы забывал других. Но людей он любил: он, казалось, всю жизнь жил, совершенно веря в людей, а между тем никто и никогда не считал его ни простачком, ни наивным человеком. Что-то было в нем, что говорило и внушало, что он не хочет быть судьей людей, что он не захочет взять на себя осуждения и ни за что не осудит. Казалось даже, что он все допускал, нисколько не осуждая, хотя часто очень горько грустя».¹ Алеша — идеал человека, он не осуждает остальных, и поэтому все его любят и он сам не судим. Однако, со всей правдоподобностью, в его будущем, которому следовало развиваться после романа «Братья Карамазовы», его найдут за что судить. Следующее сходство в жизни Алеши и святых — они начинают свою подвижническую жизнь в монастыре.

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 22.

Что касается монастыря, тут припомним слова А. В. Луначарского: «по мнению Достоевского, церковь когда то построит особенный, почти неземной социализм. Именно поэтому писатель искал своего героя-идеолога в монастыре, так как, по его убеждению, русский социалист должен быть с народом, с народной правдой, а она, по Достоевскому, заключалась в вере в Христа...».¹ Поэтому начинает Алеша жизнь свою, как многие святые в монастыре. Однако, в уединении он бы не смог непосредственно повлиять на ход событий. Итак, старец Зосима посылает послушника в мир, потому что «там он нужнее».

Напомним слова автора: «Он был вовсе не фанатик и, помоему, по крайней мере, даже и не мистик вовсе. Заранее скажу мое полное мнение: был он просто ранний человеколюбец».² Единственный Алеша способен пожертвовать своей жизнью ради остальных. В отличии от своих старших братьев, Алеша не произносит громких фраз, не замышляет великих подвигов, а молча и покорно помогает людям. Казалось бы, что он вовсе не живет своей личной жизнью, а только и решает проблемы окружающих. Алеша посвящает жизнь своим близким и смысл его жизни намного больший, чем смысл той, которую ведут все окружающие. Они заботятся лишь о собственном стихийном или материальном удовлетворении, и в отличии от Алеши, их трудно назвать людьми счастливыми или психически уравновешенными. Не веруя в бога и живя только для самих себя, они не находят смысл в жизни.

В отличии от других, Алеша умеет выслушать человека. Он единственный не осудит, поймет даже самую исковерканную душу. Он ищет «человека в человеке» и в некоторых случаях даже находит. Вспомним случай, когда семинарист Ракитин приходит с Алешей тоскующим по старцу к Груше. Груша, непокорная, коварная, злая даже, собиралась невинного Алешу искушать, на

¹ Луначарский А. В. О «многоголосности Достоевского». Москва, Худ. Лит., 1975. С. 175

² Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 21.

коленки ему села. Но видит, что он не смотрит на нее сквозь пальцы как все, не считает ее за «низкую», а как сестру почитает. И стало стыдно ей за прежние мысли, за то что его погубить, «проглотить» хотела. Поняла Груша, что у Алеши по старцу сердце болит, и поняла, пожалела его. «Я потерял такое сокровище, какого ты никогда не имел, и ты теперь не можешь судить меня. Посмотри лучше сюда на нее: видел, как она меня пощадила? Я шел сюда злую душу найти – так влекло меня самого к тому, потому что я был подл и зол, а нашел сестру искреннюю, нашел сокровище – душу любящую.. Она сейчас пощадила меня... Аграфена Александровна, я про тебя говорю. Ты мою душу сейчас восстановила».¹ Поняла Груша Алешу, и «луковку ему подала». А ведь в этом и заключается весь смысл жизни – понимать своих близких, помогать им. Алеша не осудил грешную, а та его от греха спасла и в ту минуту они стали близки, как никто иной на свете. Ведь всегда должен быть кто-нибудь, кто в тяжелую минуту не осудит, поймет человека, и таким взаимопониманием они, по Достоевскому, приближаются на шаг ближе к совершенной цели человечества, к братству всемирному.

Образ Алеши, хотя и идеальный, но все-таки он самый обыкновенный, реальный человек. И в нем бурлит стихийная карамазовская кровь, однако, он, в отличие от своих братьев и отца, способен преодолеть «карамазовщину» силой духа. И этим самым Алеша приближается к душевным мучениям грешников. Хотя его душе далеко до того хаоса, который поселился в сердцах его старших братьев, но и он иногда «колеблется». Он, глубоко верующий, тоже бунтует против бога, так как жаждет справедливости, которой нету на свете.

Вера Алеши проходит через великое испытание, когда начинает от трупа его учителя, старца Зосимы, преждевременно отдавать тлетворным запахом. Алеша крайне разочарован, потому что он слишком сильно веровал в чудо, в то, что тело столь святого

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 318.

человека не подвергнется законам природы. Он жаждет справедливости, так как «тот, который должен бы был, по упованиям его, быть вознесен превыше всех в целом мире, — тот самый вместо славы, ему подобавшей, вдруг низвержен и опозорен! За что? Кто судил? Кто мог так рассудить? — вот вопросы, которые тотчас же измучили неопытное и девственное сердце его. Не мог он вынести без оскорбления, без озлобления даже сердечного, что праведнейший из праведных предан на такое насмешливое и злобное глумление столь легкомысленной и столь ниже его стоявшей толпе».¹

Вера Алеши настолько глубока, что не может быть поколеблена в своих основах, тем не менее он задумывается и припоминает разговор с Иваном, бунтующим против бога из-за несправедливости мира богом созданного. Волей Достоевского, Алеша в момент самых сильных духовных испытаний, как и все грешники, оказывается «у бездны на краю». Он делает последний и окончательный выбор между верой и безверием. Силой духа он преодолевает все соблазны и искушения и его выбор такой: «Простить хотелось ему всех и за все и просить прощения, о! не себе, а за всех, за все».²

Тем, что Алеша колеблется, что не верит слепо, фанатически, а над всем задумывается, тем он становится еще сильнее. Ведь Алеша — только что вышел в мир, он в самом начале своего жизненного пути, он пока еще, как говорит автор, «деятель неопределенный, невыяснившийся». Тем не менее, уже в течении романа видно, как Алеша развивается. Из искушаемого мальчика становится учитель, исцелитель душ людских, он помогает людям очищаться, облегчает страдания, терзающие их сердца.

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 309.

² Там же. С. 330.

«Братья Карамазовы», как предупреждает сам повествователь «есть почти даже и не роман, а лишь один момент из первой юности моего героя».¹ Так как главному действию произведения следовало развиваться за 13 лет после событий, произошедших в «Братьях Карамазовых». Тем временем Алеше 33 года, возраст этот – символический, в этом возрасте был распят Христос. В течении романа параллель с Христом начинает очерчиваться все яснее. Как мы уже рассмотрели выше, рассказ о жизненном пути героя напоминает повествования о житие святых, у Алеши, как и у Христа – два отца, первый – биологический – Федор Карамазов, а второй – духовный – старец Зосима. Алеша становится путеводителем, просветителем мальчиков, а ведь их то было «человек двенадцать» – как и двенадцать апостолов. Даже семинарист Ракитин в разговоре с Алешей намекает: «Да ведь ты не Христос, а я не Иуда».²

Однако, судя по всему, Алеша пока «герой невыяснившийся». Из-за этого предупреждения автора возникло множество теорий исследующих, как бы, наверное, развивалось будущее Алексея Карамазова. Итак, рассмотрим одну из них, по моему мнению самую выдающуюся. Несмотря на то, что некоторые исследователи такого развития судьбы Алеши не принимают, мне оно показалось, после анализа некоторых фактов, весьма правдоподобным, хотя такой поворот событий, конечно, поражает.

Начнем с цитаты дневниковой записи А. С. Суворина: «Достоевский планировал написать впоследствии роман, где героем будет Алеша Карамазов. Он хотел провести его через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы политическое преступление. Его бы казнили (казнили как и Христа, когда ему 33 лет Ю. С.). Он искал бы правду и в этих

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 9.

² Там же. С. 324.

поисках, естественно, стал бы революционером.»¹ Данное утверждение исследователя, вовсе не вымысел слишком буйной фантазии, как может показаться с первого взгляда. В романе можно найти не один факт, доказывающий возможность, что именно так автор замышлял будущее развитие «Карамазовых».

Приведем отрывок из начального описания героя: «Он был юноша отчасти уже нашего последнего времени, то есть честный по природе своей, требующий правды, ищущий ее и верующий в нее, а уверовав, требующий немедленного участия в ней всею силой души своей, требующий скорого подвига, с непременным желанием хотя бы всем пожертвовать для этого подвига, даже жизнью.»² Этой чертой характера Алеша очень напоминает своего брата Ивана, которого автор описывает как типичного революционера 70-х лет, искателя правды — то есть из той категории, с которой Достоевский симпатизировал.

Однако, несколько дальше мы находим намек совершенно иного рода: «Алеша избрал лишь противоположную всем дорогу, но с тою же жадой скорого подвига. Едва только он, задумавшись серьезно, поразился убеждением, что бессмертие и Бог существуют, то сейчас же, естественно, сказал себе: «Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю». Точно так же если бы он решил, что бессмертия и Бога нет, то немедленно бы пошел в атеисты и в социалисты.»³

«Противоположная всем дорога» — это и есть «русский православный социализм». Судя по выше приведенному отрывку, видно, что в «Братьях Карамазовых» Алеша все-таки герой еще не разрешенный. Может быть сам автор в «текущий момент» не знал,

¹ Суворин А. С. Дневник. Новости, 1992. С. 164.

² Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 29.

³ Там же. С. 29.

в каком направлении будет развиваться его жизненный путь.

Хотя образ романа начал вырисовываться в мысли Достоевского значительно раньше, работа над «Братьями Карамазовыми» началась 1878 году. С этого года начинается самая жестокая кровавая борьба между революционным подпольем и правительством. «24 января 1878 года Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Федора Федоровича Трепова. Этот выстрел открыл эпоху террора, которая завершится 1 марта 1881 года – гибелью государя. На период 1879-1880 приходится наибольшее количество покушений (в том числе – четыре попытки цареубийства) и соответственно самая высокая за весь XIX век цифра смертных казней (двадцать одна).»¹

В предисловии «Братьев Карамазовых» автор обращает наше внимание на то, что: «жизнеописание то у меня одно, а романов два. Главный роман второй – это деятельность моего героя уже в наше время, именно в наш теперешний текущий момент.»² Именно текущий момент снабжал автора обильным материалом для такого развития действия и нет ничего удивительного в том, что Достоевский действительно собирался представить Алешу как революционера – подвижника, мученика за благо человечества.

Трудно сказать, пророчил ли Достоевский ход событий, а история только подтверждала его предсказания или влиял ли «текущий» момент на судьбу героев романа. Тем не менее, роман о жизни Алеши Карамазова Достоевский написать не успел и мы можем только догадываться, стал бы он революционером или прожил жизнь мирно в монастыре. Ведь Алеша, тоже лишь человек, а человек – «загадка».

¹ Волгин И. Колеблясь над бездной. М: «Центр гуманитарного образования», 1998. С. 289.

² Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976. Т. 14. С. 9.

Заключение

XIX век подготовил воистину идеальную почву для буения хаоса. Как говорит философ Владимир Соловьев — начался процесс духовного рождения России. Рамки, крепко данные до царствования Александра II, распались и жизнь людей начала более зависеть от их мыслей и убеждений. Люди начали волноваться вопросами «Что делать?», «Для чего жить?». Начался период «духовного брожения».

Интеллигенция России разделилась на две категории. Первые, западники, считали, что страна должна следовать Западу. Вторые, славянофилы, высоко ценили народные традиции, православную веру. Однако, были и такие, которые не мучались вопросами касающимися духовных ценностей. В романе «Братья Карамазовы» это сословие представлено посредством персонажей отца Карамазова, лакея Смердякова, семинариста Ракитина. Они полностью сосредоточат свою жизнь на удовлетворении хотений, приобретении материальных благ.

Во второй половине XIX века происходит свержение моральных ценностей — перед «золотым мешком» начинают преклоняться даже простые христиане. Наблюдая такое крушение ценностей многие приходят к выводу, что тому, у кого деньги, все позволено. Эту идею первым вносит отец Карамазов, представитель 40-х годов — генерации, которую Достоевский считал началом разврата. Тем не менее, идея «всепозволенности» окончательно сформулирована и доведена до крайности его собственными детьми.

Главный персонаж оказывающийся «на грани хаоса» — Иван Карамазов. Этот человек, мучающий себя философскими вопросами касающимися несправедливости мироустройства, отказывается от высшей гармонии в мире выкупленной слезами страдающих. Далее он восстает против библейской заповеди «Не убей!» доказывая на примерах жесточайшего истязания детей, что в некоторых случаях было бы наоборот негуманно не убить учителя.

Отказавшись от данного мироустройства Иван преподносит «Легенду о Великом инквизиторе», утопию о мире основанном на поддержании иллюзии, веры. Так как идея другого чем Богом созданного мира — идея дьявольская, вполне естественно, что у Ивана образуется двойник-сатана. Особого рода двойничество можно также наблюдать у Ивана и лакея Смердякова. Во втором случае оно заключается в полной реализации Ивановой теории «всепозволенности» безхребетным Смердяковым.

Достоевский считает основной проблемой Ивана его западнический индивидуализм. Душа человека оторванного от окружающих, старающегося решить все проблемы сам, оказывается наконец в ужаснейшем хаосе. Достоевский считал раздробленность сознания натуральной четрой полноценной личности, однако, состояние Ивана не вписывается ни в какие рамки естественности — он окончательно сходит с ума.

Второй персонаж не находящий уже смысл жизни во своем прежнем деянии — Дмитрий. Необузданный молодой человек, до сих пор следующий лишь своим страстям, начинает раскаиваться в прежней жизни «насекомого». Он готов идти разделять тяжелый удел с христианами. Дмитрия сопровождает Груша — грешница ставшая на праведный путь. Ее образ возвышается от коварной «инфернальницы» почти к духовному идеалу. Тем не менее, автор дает понять, что переродиться духовно не так то просто, и что не каждый человек способен на великие подвиги. Однако, достаточно того, что Дмитрий и Груша стараются стать лучше, несмотря на то, что достижение идеала в их случае крайне неправдоподобно.

Хаотический мир второй половины XIX века оказал чрезвычайное влияние на развитие детей, на их психику. Интеллигентный, ранне развитый подросток Коля Красоткин усердно старается разобраться во всех новых направлениях, страстно ищет течение, к которому бы ему примкнуть. В эпоху великих идей легче чем когда-либо прежде сделать роковую ошибку, ступить на неправильный путь. Тем не менее, в заключении романа светится надежда на то, что молодое

поколение пойдет, под руководством Алеши Карамазова, лучшим путем.

В образ Алеши Карамазова Достоевский воплощает свой идеал человека. Однако, Алеша — человек вполне обыкновенный. Он следует самым элементарным нравственным принципам, так глубоко упавшим за последние десятилетия. Так как Алеша — человек реальный — он иногда бунтует, разочарованный несправедливостью в мире. Вполне возможно, что в продолжении романа автор собирался направить послушника революционным путем. Так как автор сильно симпатизировал жаждущей правды молодежи 70-х лет.

Ф. М. Достоевский — вневременный автор. Его призыв к братству, к возобновлению утраченных нравственных ценностей весьма актуален и в сегодняшнее время. В XXI веке жизнь все ускоряется, в ужасном круговороте хаос бушует во всем мире. Остается надеяться, что больше и больше людей станет останавливаться и задумываться над смыслом жизни, над духовными ценностями и что наш мир окончательно не превратится в одну из антиутопий пророческих писателей.

Резюме

Работа построена на принципе анализа сложных и противоречивых персонажей романа «Братья Карамазовы», последнего и самого значительного произведения Ф. М. Достоевского. Внимание сосредоточено на внутренней борьбе добра со злом в душе человека. Основной персонаж оказывающийся «на грани хаоса» – типичный представитель современной интеллигентной молодежи – Иван Карамазов. Во второй половине XIX века начинается образоваться «душа России». Люди, до сих пор не задумывающиеся над смыслом жизни, начинают мучаться философскими вопросами. В период надения прежних нравственных ценностей часто имеет такое усердное искание правды роковые последствия. Лишь некоторым персонажам удается вступить на праведный путь – по философии Ф. М. Достоевского это вера в русского Христа, любовь к родной земле и народу. Персонажи Достоевского непрерывно стараются побороть сатанинскую сторону своей души. Протиречивость характера, по-мнению философа, натуральная черта комплексной личности. Весь жизненный путь – это полное страданий и мучений стремление к гармонии и совершенству, к высшему идеалу – Христу. Главной проблемой России в период «брожения» Достоевский ститает индивидуализм, то что «все бредут в розь». В «Братях Карамазовых» слышится призыв к соединению, к братству – именно в нем основная надежда на будущее.

Resumé

Bakalářská práce „Člověk na pokraji chaosu“ je vystavena na principu analýzy rozporuplných postav románu „Bratři Karamazovi“, posledního a nejvýznamnějšího díla F. M. Dostojevského. Pozornost je především věnována vnitřnímu boji dobra a zla v lidské duši. Hlavní postavou ocitající se „na pokraji chaosu“ je typický představitel intelektuální ruské mládeže 70. let XIX století – Ivan Karamazov. Ve druhé polovině XIX století se začíná utvářet „duše“ Ruska. Lidé, kteří se do té doby nezamýšleli nad smyslem života, se začínají trápit filozofickými otázkami. V období pádu původních morálních hodnot často mívá takové horlivé snažení o nalezení pravdy osudové následky. Pouze některé postavy se nakonec vydávají správným směrem, jenž podle Dostojevského spočívá v pravoslavné víře, lásce k rodné zemi a k prostému lidu. Postavy Dostojevského románu se neustále snaží o překonání „dávla“ ve svých duších. Rozporuplnost charakteru je podle autora naprosto přirozenou vlastností typickou pro komplexní osobnosti. Životní cestu Dostojevský vidí jako strastiplné úsilí o dosažení harmonie. Hlavní problém podle filozofa spočívá v západnickém individualismu, v nesoudržnosti národa. V „Bratrech Karamazových“ autor vyzívá ke sjednocení, k „bratrství“ v němž září naděje na lepší časy.

Список использованной литературы:

1. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Наука, 1976.
2. Бэлнеп. Р. Генезис романа «Братья Карамазовы». Санкт Петербург, Наука, 2003.
3. Достоевский Ф. Дневник писателя. Избранные главы. Санкт-Петербург, Азбука-классика, 2008.
4. Соловьев В. С. Сочинения в двух томах // Три речи в память Достоевского. Москва, 1988.
5. Г. К. Щенников. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» как явление национального самосознания. Челябинск, 1996.
6. Лехин И. В., Петров Ф. Н. Словарь иностранных слов. Москва, Госиздат иностранных и национальных словарей, 1952.
7. Солженицын А. Телеинтервью японской компании NET-TOKYO. Париж, 5 марта 1976.
8. Brzeźinski Z. Bez kontroly. Chaos v předvečer 21. století. Praha, 1993.
9. Дудкин В. В. Достоевский – Ницше. Петрозаводск, КГПИ, 1994.
10. Достоевский Ф. М., Достоевская А.Г. Переписка / Под ред. С. В. Белова, Б. А. Туниманова. Л.: 1976.
11. Достоевский Ф. М. Золотые цитаты классиков русской литературы, Ф. М. Достоевский. Феникс, 2010.
12. Карташов А. В. Русское христианство // Север. № 9., 1992.
13. Кантор В. К. «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского. Москва, Худ. Лит., 1983.
14. Луначарский А. В. О «многоголосности Достоевского». Москва, Худ. Лит., 1975.
15. Суворин А. С. Дневник. Новости, 1992.
16. Волгин И. Колеблясь над бездной. Москва, «Центр гуманитарного образования», 1998.
17. Волгин И. Последний год Достоевского. Москва, Советский писатель, 1986.

18. Достоевский и XX век / Под ред. Т. А. Кацаткиной. Рос. Ак. Наук, Институт мировой лит. Им. А. М. Горького, 2007.
19. Камю А. Бунтующий человек. Москва, Политиздат, 1990.
20. Hodrová D. ...na okraji chaosu... Torst, 2001.
21. Селезнев Ю. Достоевский. Молодая гвардия, 1990.
22. Nietzsche F. Tak pravil Zarathustra. XYZ, 2009.
23. Klossowski P. Sade můj bližní. Herrmann & synové, 2004.
24. Достоевский Ф. М. Бесы. Санкт-Петербург, Библиополис, 1995.
25. Ефремов В. С. Психиатрия и литература. Санкт-Петербург, Диалект, 2006.
26. Померанц Г. С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. Москва, Сов. Пис., 1990.
27. Červeňák A. Tajomstvo Dostojevského. Bratislava, Slovenský spisovateľ, 1986.
28. Kautman F. F. M. Dostojevský: Věčný problém člověka. Praha, Academia, 2004.